

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. И. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А. Н. БЕРНШТАМ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

I. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Археологическое исследование Семиречья, начатое нами в 1933 г., продолжалось (с перерывами) до 1945 г. За этот период были проведены экспедиции, охватившие Алмаатинскую и Джамбуловскую области в Казахстане, Северную Киргизию и Тянь-шань. С 1941 г. начались выезды в Южную Киргизию для обследования Восточной Ферганы

и Алая, доведенные в 1946 г. до Восточного Памира (южная точка экспедиции 1946 г. — долина Мургаба). Предварительные отчеты и общие обзоры работ изданы в 1933—1946 гг.,¹ полные публикации подготовлены к изданию.

Как следует из карты маршрутов экспедиции, нам удалось охватить разведкой значительное пространство (в ряде случаев произвести раскопки). Общая протяженность маршрутов составила около 20 тыс. км. Было вскрыто свыше 100 курганов и тысячи кв. м площади городищ, что составляет примерно до 10 тыс. кубометров раскопанного грунта культурных слоев поселений. Хронологический диапазон памятников — от эпохи бронзы до XIX в., т. е. четыре тысячелетия. Коллекции экспедиции вошли в музейные фонды Ленинграда (Эрмитаж), Алма-ата (Центральный музей Казахстана), Джамбула (Музей Археологического пункта) и Фрунзе (Музей национальной культуры) (рис. 1 и 2).

Археологическое изучение велось совместно с исследованием письменных источников. В связи с нашими работами был поставлен на обсуждение ряд исторических проблем, а также вышли научные и научно-популярные работы, касающиеся истории обследованных территорий.²

Важным обстоятельством в этих работах явилось обследование разных географических зон в указанных районах. Экспедиция вклинивалась в пески (Муюн-кумы), широко обследовала предгорные районы Тарбагатая, Заилийского Алатау, Киргизского Ала-тоо, речные долины Или,

¹ Приведем перечень основных публикаций результатов экспедиционных работ по времени их проведения:

1933 г.: ПИДО, 6, 1934; Археологические материалы из Семиречья.

1936—1938 гг.: ВДИ, 4 (9), 1939 г.; ТОВЭ, II.

1939 г.: КСИИМК, IV, 1940; ВДИ, 2, 1940; Наука и жизнь, I, 1940; Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II, 1940.

1940 г. (и итоги за 1933—1940 гг.): Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941 (в дальнейшем: ПСТД); Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941 (в дальнейшем: АОСК).

1941 г.: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943 (в дальнейшем ИКПСК); Уйгурская эпиграфика Семиречья, сб. «Эпиграфика Востока», I, М.—Л., 1947; там же, II, 1948.

1944 г.: Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. Киргизского ФАН, вып. II—III, 1946.

1945 г.: Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-шаня. Сб. «Акад. К. И. Скрябину». Фрунзе, 1945; ср. также: Изв. Киргизского ФАН, вып. IV, 1947.

Общий итог (1943—1944 гг.) см. также в статье: Некоторые итоги археологических работ в Семиречье, КСИИМК, XIII, 1946.

1946 г.: Древняя Фергана (ВДИ); Араванские наскальные изображения и древняя столица Ферганы Эрши (СЭ, 4, 1948); Древняя Фергана, КСИИМК, XXI.

Все работы, как правило, получали освещение в наших статьях в местной периодической печати, в газетах: «Казахстанская правда» (Алма-ата), «Советская Киргизия» (Фрунзе), «Ленинский путь» (г. Ош) и др.

² Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V; Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI; Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942; Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942 (последние две переведены на киргизский язык, Фрунзе, 1943; см. также в журн. «Советтик Кыргызстан», №№ 7, 8, 1942); Великое наследие киргизского народа. Изв. Киргизск. ФАН, т. I, 1945; Из истории международных и военных отношений киргизского народа (там же); Заметки по искусству киргизского народа. Тр. ИЯЛИ Киргизск. ФАН, т. I (на киргизском языке — в «Советтик Кыргызстан», № 3, 1943). Помимо того, материал экспедиции использован при написании глав тома I «Истории СССР» (Л., 1940), в наших предисловиях к переизданиям работ В. В. Бартольда «Киргизы» и «Очерк истории Семиречья» (Фрунзе, 1942 и 1943), особенно в предисловии ко второй работе (под заглавием «В. В. Бартольд как историк Киргизстана»), а также в двух брошюрах: «Мазар Манаса» и «Башня Бурана» (Фрунзе, 1946), «Прошлое района Алма-ата», Алма-ата, 1948 (издание Академии Наук Каз. ССР). Статьи в периодической прессе здесь опущены.

Рис. 1. Экспозиция коллекций экспедиций в Музее национальной культуры киргизского народа (Фрунзе).

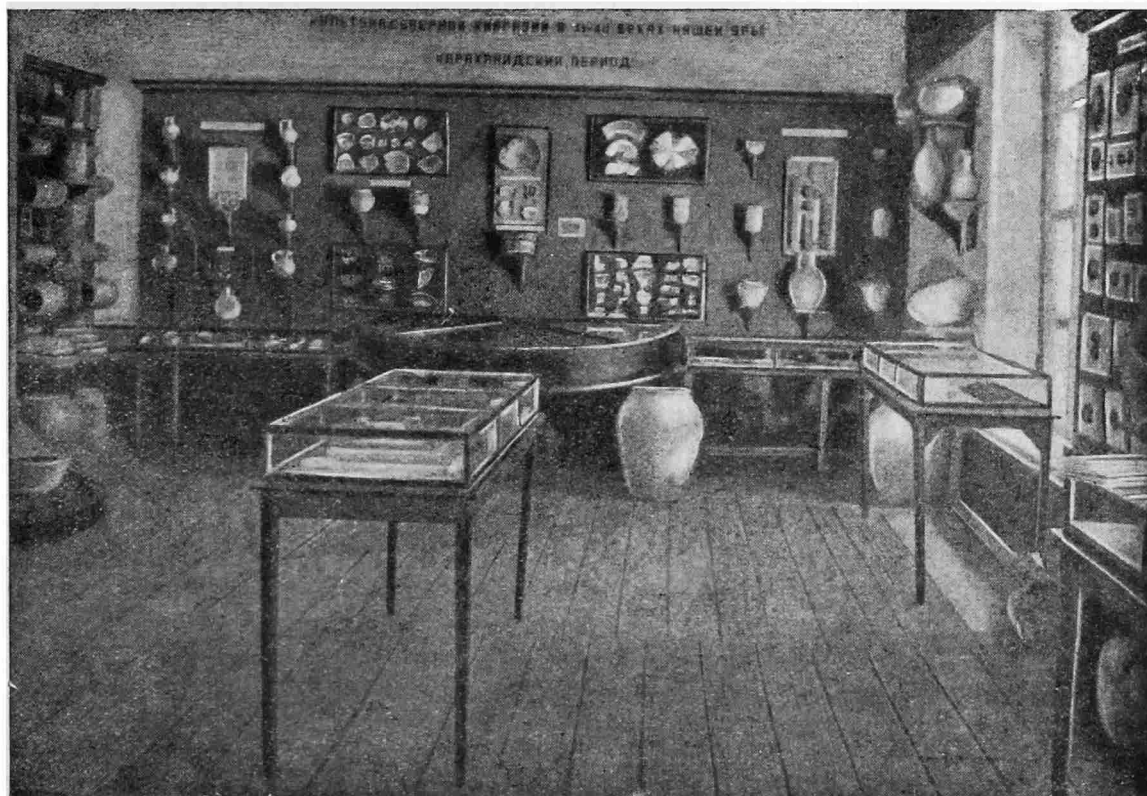

Рис. 2. Экспозиция коллекций экспедиций в Музее национальной культуры киргизского народа (Фрунзе).

Чу, Кемина, Таласа, Нарына, Атбаши, Алабуги, горные долины и сырты типа Аксай, Арпа, Алай, Чон-алай, многие горные ущелья и перевалы, котловину озера Иссык-куль (см. карту). Тем самым удавалось наблюдать изменения культурных комплексов в разных географических ландшафтах, а «археологические путешествия», вскрывающие размещение комплексов, их локальные отличия и историческую топографию, дали множество наблюдений исторического порядка.

Все это вместе взятое позволяет сейчас в общих чертах дать ответ на следующие три вопроса:

- 1) классификация археологических комплексов (см. таблицу);¹
- 2) историко-культурная характеристика этапов развития Семиречья и Тянь-шаня;
- 3) проблемы этногенеза.

Естественно, что все эти вопросы в какой-то степени отражены в указанных выше работах, кроме того им посвящались и специальные исследования и сводки.

В настоящей статье мы попытаемся дать характеристику этих историко-культурных проблем и, предвосхищая публикацию полных отчетов, — основные историко-археологические выводы. Мы, конечно, лишены возможности в журнальной статье останавливаться на частных вопросах и деталях (историко-технических, естественно-исторических и т. п.).

При изложении основных этапов развития культуры мы опираемся также на известный нам музейный материал и литературу. Следует указать, что музейные собрания далеко не достаточно освещены, а в литературе, в общем весьма скудной, археологический материал привлекается за редкими исключениями без датировок.

Ввиду того, что отдельным культурам и районам, а также наиболее значительным находкам мы посвящали специальные работы, отмеченные в сносках, в настоящей работе мы остановимся только на сюжетах, не получивших достаточного освещения в предшествующих публикациях. Этим обстоятельством объясняется неравномерность разделов статьи, посвященных различным этапам культурной жизни Семиречья. Основу статьи составляет характеристика археологических комплексов и объектов, имеющих массовый, а не уникальный характер.

В изложении собственно исторических выводов мы свели к минимуму научный аппарат, поскольку этих проблем мы касались в ряде других работ, в значительной части опубликованных, к которым мы и отсылаем читателя. Здесь нам важно лишь рассмотреть эти исторические выводы совместно с обзором археологического материала, сводка которого дана в публикуемой классификационной таблице.²

II. ЭПОХА БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА ЮЖНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Для эпохи бронзы в Семиречье и на Тянь-шане ясно выступают две стадии, синхронные андроновской и карасукской южносибирским стадиям. Как мы уже отмечали, они имеют свои локальные отличия, что позволило нам выделить северокиргизский вариант бронзы.³

¹ Таблица по нашим макетам и указаниям исполнена С. С. Сорокиным, которому я за эту кропотливую и тщательную работу приношу благодарность.

² Таблицы аналогичного типа, опубликованные в ИКПСК, отражают только коллекции Чуйской долины, собранные в 1941 г.

³ ИКПСК, стр. 9; КСИИМК, XIII, стр. 111.

Андроновского типа могильник был нами раскопан в 1944—1945 гг. на Тянь-шане в долине р. Арпа (урочище Бурмачап).¹ Всего

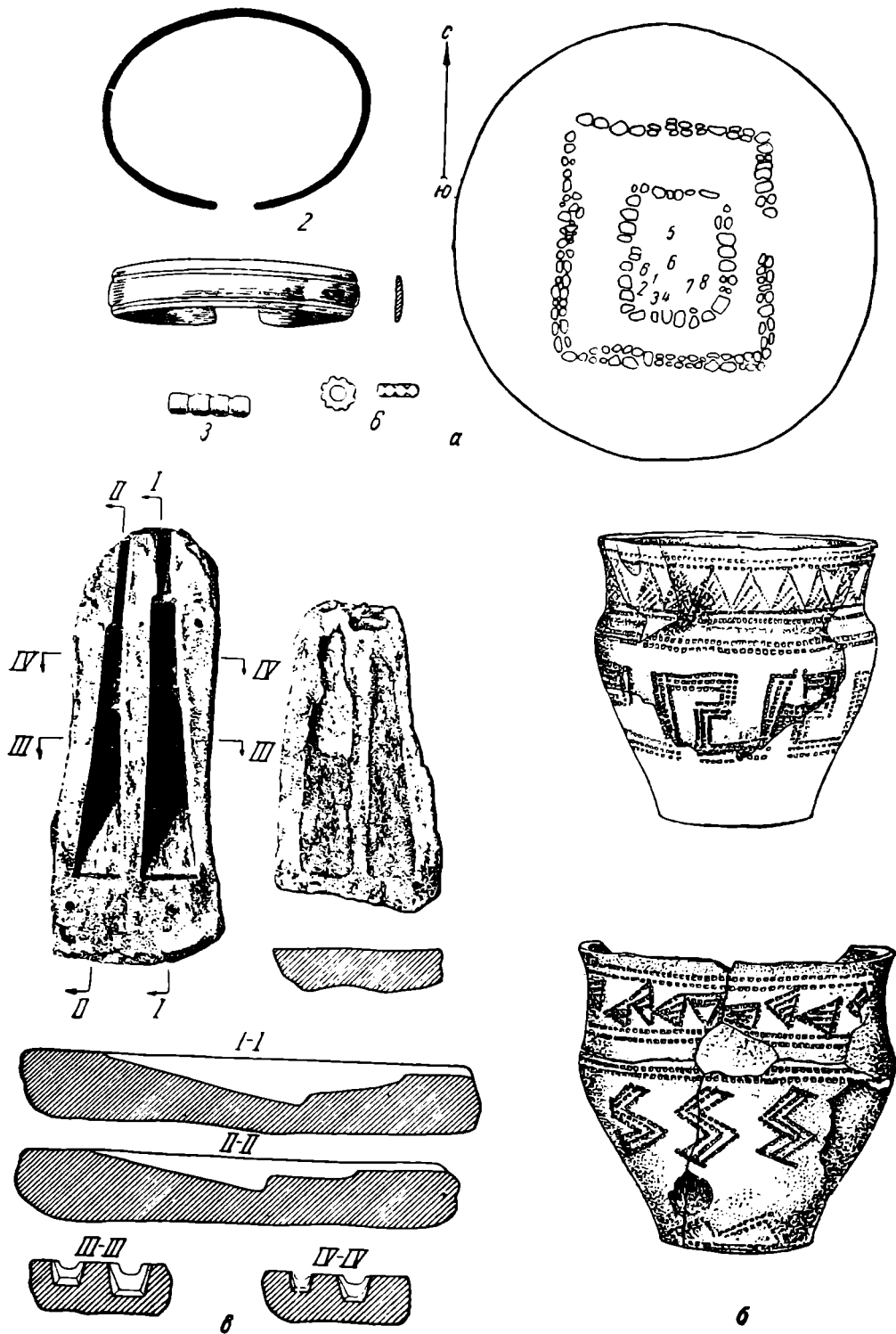

Рис. 3. Киргизия. Находки эпохи бронзы.

а — Тянь-шань, Арпа, Бурмачап I (диаметр — 9 м, высота — 0.25 м); расположение предметов в раскопе: 1 — сосуд, 2 — браслет, 3 — бусы пастовые, 4 — браслет, 5 — сосуд, 6 — бусы бронзовые, 7 — кальцинированные кости, 8 — зольное пятно; б — Тянь-шань, Арпа. Глиняные сосуды; в — Чуйская долина. Форма для отливки пальставов.

было вскрыто восемь насыпей. Могилы двух типов: 1) квадратные (рис. 3а) выкладки 4×4 м, разделенные перегородкой на две неравные части,

¹ Изв. Киргизск. ФАН, вып. II—III, стр. 62.

западную и восточную, такие же прямоугольные выкладки, но с каменной насыпью, круглой в плане; 2) прямоугольные концентрические выкладки.

В обоих случаях мы обнаружили трупосожжение. Кальцинированные кости лежали обычно в западной половине площадки, инвентарь — в восточной части или непосредственно у внутренней стенки, иногда около пережженных костей. Все захоронение располагалось на дневной поверхности почвы. Насыпь, следовательно, слабо предохраняла инвентарь от порчи, и он находится в весьма разрушенном состоянии.

Керамика представлена сосудами с плоским дном, конической нижней частью и расширяющимся кверху устьем, обычного андроновского типа. Орнаментированы сосуды накольчатым орнаментом в виде треугольников с зачерченной плоскостью, поясками, меандровыми линиями и зигзагами. Венчик на сосуде отсутствует. Были найдены также медные (бронзовые) бусы в виде «шестеренки», пастовые пронизки, незамкнутые плоские бронзовые браслеты.

К андроновскому этапу относятся найденные в этих же могилах приближающиеся к шарообразным неорнаментированные сосуды с темнокоричневым, порой почти черным лощением. Если в отмеченных выше сосудах излом двуцветный — серо-красный, то в шарообразных тесто черное, слоистое. Эти последние сосуды хуже сохранились.

К андроновскому же этапу мы относим сосуды из древних поселений Чуйской долины в районе сел. Каинда, расположенных по карасукам, в сазовых районах (местах выклинивания подземных вод). Керамика серая, форма сосудов напоминает типично андроновскую, устье сосуда без венчика, орнамент тех же сюжетов исполнен деревянным резцом, камышинкой, простым штампом гребенчатого типа. Сосудам сопутствуют: грубые вислообушные топоры, иногда украшенные на обухе елочным орнаментом, массивные серпы, «аморфные» ножи, пальставы, тоже грубой выделки, рыболовные крючки (Ивановское, Новопавловское, Сукулук, Джаильмы, Каинда).¹

Ясно выделяется более поздний, карасукский этап. Он представлен шарообразного типа керамикой, с ясно выраженным венчиком (поселения в районе Каинда). Имеются сосуды с черным матовым лощением; сосуд покрыт орнаментом — зачерченные ромбы, елочный орнамент. Характерно нанесение орнамента отдельными отрезками. С сосудами найдены ножи карасукского облика, с ясно расчлененным лезвием и рукояткой с навершием в виде кружка, иногда с просверленным отверстием (подобие коленчатых ножей), тщательной отделки вислообушные топоры, листовидные наконечники копий с черенком и «стрелкой», проходящей по оси «листа», прямоугольные лопаткообразные «кельты» (?) с втулкой небольшого диаметра (с тамгой с одной стороны и отверстием для крепления с другой стороны втулки), круглые зеркала с длинной ручкой, квадратные (в сечении) долота, многочисленные шилья (гладкие, круглые или граненые, гвоздеобразные, с ажурной головкой), серпы с черенком и «незамкнутой» втулкой.² Следует отметить принадлежность к этому времени каменных шлифованных орудий: зернотерок, пестов.

Бронзовые вещи карасукского облика встречаются в могильном инвентаре и в кладах. Погребения этого времени явно двух типов. В горных долинах сохраняются каменные подквадратные выкладки, часто перекрытые каменной же насыпью; в Чуйской долине встречены курганы

¹ АОСК, табл. I; ИКПСК, табл. I; Архив ИИМК, дело № 40, 1884 г. (Алексеевский клад — Илийская долина).

² Архив ИИМК, дело № 40, 1884 г. (Узунагачские курганы).

этого времени с полусферической земляной насыпью и относительно небольшим количеством камней. В курганах последнего типа встречены шилья с ажурной головкой. С нашей точки зрения, эти курганы представляют переход от карасукского типа культуры к ранним (или предскифским) курганам VIII—VII вв. до н. э. Такими переходными типами являются каргалинские курганы (Каргалы I). Эти курганы имеют полусферические земляные с камнями насыпи. Могильная яма — в виде каменного ящика. В инвентаре — круглодонные сосуды, бронзовые миниатюрные ножички листовидной формы с уступчиком, гладкие шилья. В Каргалы I наблюдается сложение типических черт сако-усунской керамики. С ней непосредственно связаны раннесакские погребения Таласа, Айри-там и Чим-тюэ.¹

Клады встречаются сравнительно часто. Наиболее крупные: в Илийской долине — клад у с. Алексеевского (музей в Алма-ата), в Чуйской долине — Сукулукский (музей в Фрунзе), на Иссык-куле — Тюпский (Москва, ГИМ). По времени клады, очевидно, I тысячелетия до н. э., но содержат вещи и II тысячелетия до н. э.

Подавляющее количество находок эпохи бронзы Семиречья случайного происхождения; небольшая часть из плохо документированных раскопок (при строительных работах Большого Чуйского канала), отдельные предметы из наших раскопок. Сопоставляя случайные находки с инвентарем из наших раскопок захоронений и опираясь на сравнительный материал, можно выявить некоторые особенности северокиргизского варианта культуры эпохи бронзы:

1) При общем сходстве инвентаря — орудий и оружия — с южно-сибирскими комплексами, явно выступают западные влияния, для которых крайней восточной границей является Семиречье, например, вислобушный топор.² Кстати отметим, что наиболее типичные и массивные формы вислобушного топора находятся в центральном Семиречье, по мере же продвижения на юго-запад формы его мельчают (бронзовые орудия из Ташкентского оазиса).

2) Семиречье знает типы орудий, неведомые западным и восточным очагам бронзовой культуры, — прямоугольные лопаткообразные кельты. Крайняя восточная находка их нам известна из долины Иртыша.

3) В технике изготовления бронзовых орудий много архаики. Почти во всех орудиях наблюдаются следы проковки.

4) В керамике андроновского и карасукского типа Чуйской долины много общего и по форме и по орнаменту. Резко отличны от местных форм (и ближе всего к степным вариантам Казахстана) арпинские сосуды из могил на Тянь-шане.

5) В керамике карасукского этапа закладываются основы сако-усунской керамики, окончательно оформленной в переходных памятниках типа Каргалы I.

6) Среди памятников эпохи бронзы наблюдаются локальные различия. Для центрального Тянь-шаня характерны погребения с трупосожжением на дневной поверхности в оградках и с трупоположением в курганах (горные долины Большого Кемина, Таласа и Алай). Для больших речных долин Чу и Или характерны трупоположения в грун-

¹ Н. Н e i k e l. *Alterthümer aus der Tale des Talas in Turkestan*. Хельсинки, 1918.

² Известен, впрочем, и в Западном Алтае. См.: М. П. Г р я з н о в. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казахи», вып. 15, стр. 158. О связях с западом см.: А. В. З б р у е в а. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 3, 1946.

товых ямах или каменных ящиках под каменными насыпями в прямоугольных оградках или в курганах с каменно-земляными насыпями. Часть этих отличий явно связана с хронологическими вариантами, часть, несомненно, с локальными.¹

Все это позволяет говорить об определенном типе культуры эпохи бронзы в Семиречье и на Тянь-шане, сложившемся в условиях скрещения предгорно-степного и горно-пастушеского вариантов скотоводства, в интенсивной его форме (серпы — сенокосение), и дополненного в условиях Тянь-шаня охотой, а в предгорно-степных областях, по берегам рек, рыболовством.

Эти хозяйственные особенности и культурные скрещения, идущие с Запада и Востока, определяют отмеченные выше локальные и хронологические различия, отражающие в конечном счете и две, видимо, этнические группы II—I тысячелетия до н. э.

При всей немногочисленности материала имеются данные (в частности, находки керамики карасукского типа в Лоу-лани), позволяющие наметить и третий путь культурных взаимоотношений — с Югом. Быть может, прямоугольный тип кельтов ведет свое происхождение с Юга, поскольку наиболее близкие аналогии известны нам в Китае (Юннань). Продвижение степной андроновской культуры в горные сырты Тянь-шаня (Арпа) показывает большое ее значение в формировании этнических групп не только Тянь-шаня, но, по некоторым ретроспективным данным, и предгорных районов Припамирья (Алай) и системы Гиндукуша (западные предгорные окраины Синьцзяна).² Во всем этом ареале распространения отмеченных культур эпохи бронзы в I тысячелетии до н. э. складывается стойкая культура ранних кочевников — саков и усуней, генезис которой восходит к южносибирской и семиреченской культурным областям.

III. САКО-УСУНСКАЯ КУЛЬТУРА

Многочисленные раскопки курганов I тысячелетия до н. э. (главным образом, второй его половины) и обильное поступление случайных находок позволили выделить сакский и усунский круг памятников и, в то же время, выявить в них столь много общего, что явилась возможность объединить их в понятие «сако-усунская культура», рассматривая сакскую и усунскую группы памятников как две стадии единого культурно-исторического процесса.

Внешний вид погребений этого времени почти одинаков — это курганы с каменной насыпью, в которой выявляются концентрические круги (кромлехи), эллипсовидный в центре насыпи, по краям могильной ямы, и правильный вокруг могильной насыпи. Более ярко кромлех выступает в ранних могилах (сакских) и утрачивает свою четкость в поздних (усунских). Кромлех выкладывается галькой, камнями плашмя или гранеными плитами на ребро. Кромлехи в ранних, а особенно в больших курганах иногда приобретают фигуры лабиринтов из серии кругов, обводящих контуры сплошной каменной насыпи.

Расположение курганов в могильнике в основном меридиональное, в цепочку. Центральную цепочку составляют большие курганы, в Чулийском междуречье достигающие до 10 м высоты, рядом с которыми идут цепочки средних и малых курганов. Возле больших и средних кур-

¹ О типических чертах Семиреченской бронзы в целом см.: М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казахи», вып. 15.

² На этом мы останавливаемся в статье: Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947.

ганов наблюдаются порой и группы мелких курганов с захоронениями без вещей.

К сакской эпохе VI—III вв. до н. э. относятся раскопанные нами курганы в Илийской долине (Кара-чоко I), в Таласской (Берк-кара I), на Тянь-шане — долина Нарына (Аламышик) и в Чуйской долине, в которой большинство памятников этого времени вскрыто при строительстве Большого Чуйского канала. Датировка этих комплексов может быть основана на стрелках скифского типа. Нами обнаружены древнейшие типы стрел случайного происхождения из Чуйской долины VII—VI вв. до н. э.

Явно к V—IV вв. до н. э. относится Кара-чоко I, характерное листовидными бронзовыми втульчатыми стрелками. Находки таких же стрелок известны в Чуйской долине, совместно с листовидными наконечниками копий (Джиек). Керамика круглодонная, лепная из полос; по форме напоминает широко известную усунскую керамику. В основном представлены открытые формы сосудов, редко грушевидные с слегка отогнутой закраиной, сосуды «чайникообразного» типа и в виде кубков с ручкой. Сосуды лепились без шаблона, они асимметричны, поверхность сосудов иногда покрыта красной краской или вертикальными красными полосами по более светлому, порой желтоватому фону. В этих комплексах, быть может, несколько более поздних (IV—III вв. до н. э.), в Берккара I, была найдена бронзовая пряжка с изображением головы льва, глотающего птицу (гуся?), выполненным в типично скифском стиле.¹ К V—III вв. до н. э. относятся многочисленные находки скифских котлов на конических поддонах или трех ножках и часто находимые вместе с ними четырехугольные в плане жертвенные столы и светильники в виде жаровен (круглых или квадратных) на ажурных подставках. Как правило, жертвенные столы и светильники украшены скульптурными изображениями зверей: фантастическими крылатыми зверями (Алмаатинский алтарь), яком-кутасом (Иссык-куль), горными козлами и хищниками (Иссык-куль). Изображения зверей различны: процессия животных, одиночные животные, сцены борьбы парных животных. Особо могут быть отмечены изображения зверей на бронзовой пряжке с Иссык-куля из Тюпа (гов антилоп и хищников),² изображение яка-кутаса на золотой бляшке из Нарына (рис. 4—5).

Учитывая обстановку находки котлов, жертвенников и светильников, чаще всего в комплексах (Алма-ата, Иссык-куль), можно говорить о культовом характере этих предметов.

Так, например, в Алма-ата на Каменском плато (около дома отдыха Турксиба) в 1923 г. было найдено в одном месте 8 котлов. Непосредственно в городе (на углу Гоголевской и Дунганской ул.) на глубине 1.9 м был найден котел, вокруг которого были обнаружены в большом количестве кости барана, козла (?), лошади и верблюда (?). Характерно, что котлы всегда связаны с культовыми очагами — жертвенными местами. Иссыккульский комплекс был найден в ущелье, явно культовом месте.³

Один скифский котел был найден нами в ущелье Чиимташ (Таласская долина); он находился в непосредственной связи с наскальными изображениями — главным образом козлов, выбитых точечной техникой. Относящиеся к этому времени изображения горных козлов, выполненные в данной технике, с характерной трактовкой сильно загнутых назад

¹ О ней специально в нашей заметке «Берккаринская пряжка» (КСИИМК, XVII).

² Архив ИИМК, дело № 40, 1884 г.; ср.: дело № 5, 1887 г.

³ Б. З и м а. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе, 1940. Ср.: АОСК, табл. 2—3; ИКПСК, табл. III, рис. 20—21 (бляшка и печать с изображением яка).

и переходящих порой в волюты рогов, весьма многочисленны. Изображения козлов встречались или в сценах охоты, или в сочетании с изображениями исполняющих культовый (шаманский?) танец людей, или сопровождаемые солярными знаками.

Широкое распространение этого типа наскальных изображений скифского стиля и сюжета, изображения яка-кутаса и козлов в Фергане (прежде всего Восточной) свидетельствуют о принадлежности этих районов к коренным районам обитания древних саков — Семиречью.

Единичные находки краниологического материала этого времени (Аламышик, Тянь-шань) дали европеоидный, памиро-ферганский тип.

Усунская культура (конец III, а главным образом II в. до н. э. — I в. н. э.) представлена курганами почти того же типа, но с утраченной

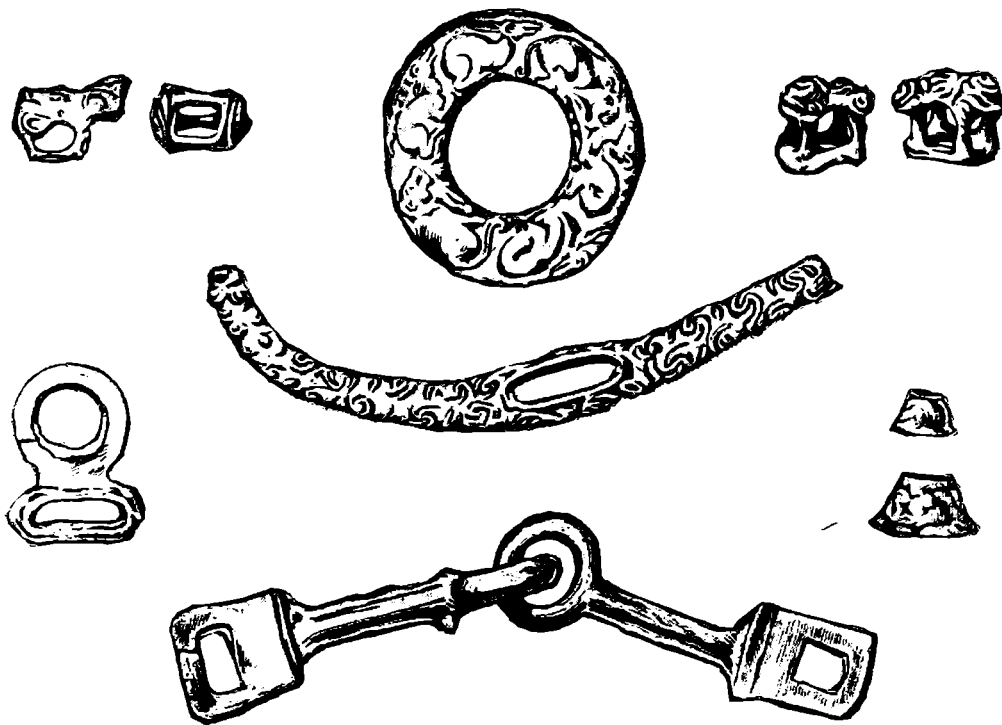

Рис. 4. Оз. Иссык-куль. Клад вещей сакского времени (бронза).

четкостью выкладки кромлеха: курганы уже, как правило, вытянуты в строго выдержанные цепочки, с большими курганами (высота до 5 м) в центре. Наличие в этих родовых кладбищах резкой дифференциации насыпей не может не служить и для характеристики этапа образования классов, а сопутствие больших курганов малыми, с погребениями без инвентаря (в одном случае были обнаружены следы насильственного сбрасывания в могилу: руки и ноги погребенного, повидимому, были связаны), говорит о возникновении института рабства.

Сосуды по форме продолжают сакские типы, но улучшается техника (лепка на матерчатом шаблоне). Появляются сосуды симметричных форм. Бронзовые стрелки исчезают, появляются железные, подражающие скифским образцам, трехгранные костяные с черенком и железные ромбические в сечении, тоже с черенком.

Важным элементом погребального инвентаря, особенно в богатых могилах, являются вещи китайского происхождения (ткань, лак, нефрит).

Вопрос о выделении группы памятников, которые могли бы быть названы сакскими, еще специально не стоял в археологической литера-

туре.¹ Обусловлено это было, прежде всего, сравнительной немногочисленностью памятников VII—IV вв. до н. э., найденных на территории Семиречья. Те предметы, которые были известны, относились к числу случайных поступлений. Изучение памятников в музеях, прежде всего в Центральном музее Казахстана (Алма-ата) и в Музее национальной

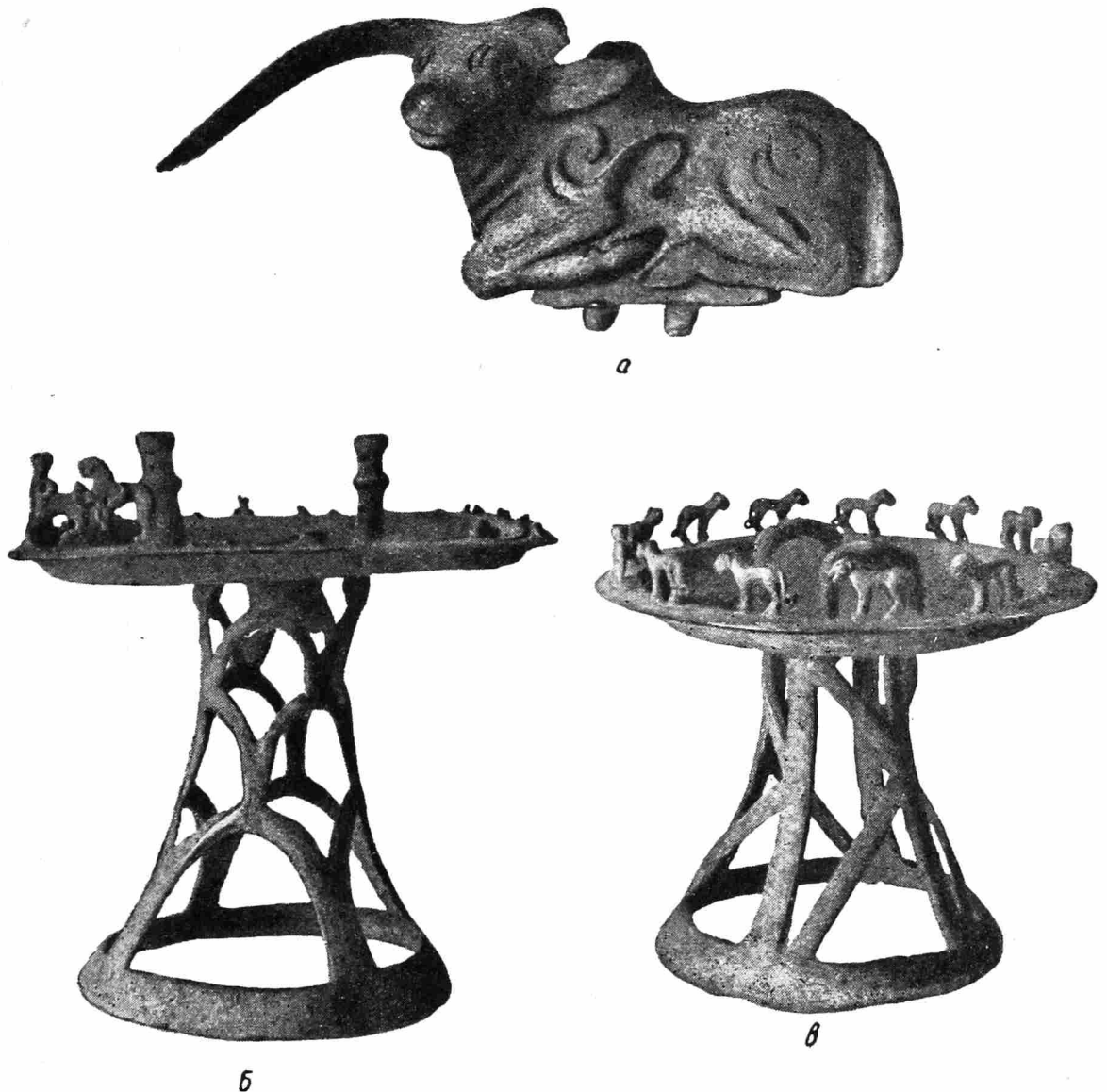

Рис. 5. Оз. Иссык-куль. Святильники эпохи саков (б, в) и украшение жертвенника (а)

культуры в Фрунзе, а также произведенные за последнее время Г. В. Григорьевым работы по исследованию «сакских» городищ и могильников на правобережье Сыр-дарьи и наши исследования могильников ранних кочевников Семиречья позволили подойти к постановке этой проблемы.

¹ Отдельные высказывания см.: История СССР, ч. I—II. Более развернутые положения были выдвинуты Г. В. Григорьевым в его работе: Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе в 1934 г. Ташкент, 1935. Точка зрения Г. В. Григорьева не была принята. См. возражения А. И. Тереножкина (ВДИ, 3 (4), 1938; Изв. УзФАН, 8, 1940) и С. П. Толстова (в работе: К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, № 1, 1946); см. также АОСК, стр. 30.

Вопрос о саках вызвал в свое время огромную литературу¹ и не перестает интересовать историков и поныне, особенно в связи с открытием и изучением сакского языка и письма (имеем в виду восточнотуркестанских и индийских саков),² открытием новых надписей ахеменидов³ и, наконец, в связи с изучением истории народов СССР. Местонахождение саков теперь вряд ли вызывает особенные разногласия.⁴ От Семиречья, ограниченного на севере параллелью южного берега Балхаша, до северной части Восточного Туркестана, от западных отрогов Алтая до Памира включительно, располагались древние сакские племена.⁵ Совершенно несомненно, что сакские племена были весьма разнообразны по своему этническому составу.⁶ Различалась, видимо, и экономика отдельных сакских племен. Так, например, выступающая по раскопкам Г. В. Григорьева экономика сырдарьинских саков⁷ отличалась соединением пастушеских форм скотоводства с земледелием и охотой; следовательно, ее характерной чертой являлась оседлость. Эта группа саков втягивалась в оседлую жизнь Согдианы, о чем свидетельствует Арриан, сообщающий, что во время походов Александра саки, жители городов по левому берегу Яксарта, подняли восстание.⁸ Возможно, что эти факты позволили Диодору приписать сакской царевне Зарине образование городов, всего вероятнее временных ставок — *hormetria*.⁹ Преобладающая группа саков оставалась кочевой и жила восточнее Сыр-дарьи.¹⁰ В связи с предлагаемым делением среднеазиатских восточных саков на две группы мы склонны выделить саков сырдарьинских и семиреченских. Первых, видимо, отличал и Птолемей, называя жителей Яксарта — яксартами.¹¹ Пользуясь термином Птолемея, мы называем саков, живших по Яксарту и знакомых нам по раскопкам Г. В. Григорьева, яксартскими саками. Отличными от них были семиреченские саки, которых, поскольку их памятники концентрируются по Тянь-шаню и его отрогам, лучше называть тянь-

¹ Лучшей сводкой для своего времени была работа В. В. Григорьева: О скифском народе саках. СПб., 1871. Из последних сводок по этому вопросу можно отметить труд: Julius Jungé. Saka-Studien. Klio, 1939; однако он имеет несколько иную ориентацию (ср. рецензию в ВДИ, I, 1941).

² Об этих документах и отношении их к сако-усунской проблеме см. в наших статьях: К вопросу об усунь-кушан и тохарах. СЭ, 3, 1947; Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947; а также нашу рецензию: Новые работы о тохарской проблеме. ВДИ, 2, 1947. Ср.: А. А. Фрейман. Задачи иранской филологии. ИАН, ОЛЯ, т. V, вып. 5.

³ Интересные работы по этим вопросам принадлежат прежде всего акад. В. В. Струве: Поход Дария I на саков-массагетов (ИАН, ОИФ, т. III, 1946.)

⁴ Разногласия, однако, полностью не преодолены. Особенно сложен вопрос о локализации саков-парадарая. Об этом см. в указанной выше статье акад. В. В. Струве.

⁵ Об этом см. в нашей статье: Древняя Фергана.

⁶ Мы полагаем, что сильное тюркское ядро было среди амургийских саков, возможно и среди саков-тиграхауда. На этом мы специально останавливались в докладе «Тюрко-иранские этнокультурные связи» (доклад 10 III 1947 на Иранской сессии Востфака ЛГУ).

⁷ Мы применяем термин *сак* к памятникам, открытым Г. В. Григорьевым, весьма условно, т. е. считаем, что это были поздние саки, синхронные усуням; антропологический тип их, по определению В. В. Гинзбурга, памиро-ферганский, более поздний имеет монголоидную примесь (СЭ, 4, 1946). Ср. нашу рецензию: ИАН, ОИФ, 2, 1947.

⁸ Арриан, IV, 3 (пер. Коренькова).

⁹ Диодор, II, 33—34.

¹⁰ Что явствует из единогласных заявлений античных авторов, оригинальных и компиляторов, от Геродота до Страбона.

¹¹ См.: A. Berthelot. L'Asie Centrale et Sud-orientale d'après Ptolomée. Париж, 1930. К яксартским сакам следует относить и фергано-алайских. Вместе с тяньшанскими саками они образовали группу саков-амургиев Гелланика — Геродота или хаумаварга ахеменидских надписей.

шанскими саками или собственно амюргийскими. Мы сознательно выделяем тяньшанских саков, ибо только с этой группой связано впоследствии формирование тюркских племен,¹ в то время как с южной ветвью (припамирской) связан этногенез иранских племен.² Совершенно очевидна этническая обособленность и североиндийских саков.³ Оставляя в стороне всем хорошо известные описания саков у Геродота и других античных авторов,⁴ а также изображения саков на Персепольских барельефах,⁵ мы попытаемся сейчас установить ту группу памятников, которая может быть связана с саками тяньшанскими.

Памятники эпохи поздней бронзы из Семиречья, к которой восходит сакская культура (равно как к поздней бронзе вообще восходит скифская культура), были выше кратко описаны. Среди отмеченных выше находок прежде всего хотелось бы напомнить серпы из Узунагачского района, недалеко от города Алма-ата (см. таблицу). Серпы эти происходят из курганов, расположенных между реками Узун-агач и Каргалы, часть которых была исследована нами в 1940 г. Серпы литые из бронзы, со сравнительно малой примесью олова (99.5% — медь, 0.5% — олово). Они представляют собой широкую, круто изогнутую пластину, имеющую у основания черенок и загибы, с незамкнутыми концами, которыми охватывалась рукоять серпа. Наличие серпов говорит если не о земледелии, то, во всяком случае, об интенсивных формах скотоводства (заготовка сена). Ближайшим к Семиречью погребением эпохи поздней бронзы является погребение карасукского типа на р. Нура.⁶ В погребениях карасукского типа, не говоря уже о более древних андроновских, характерной чертой является каменный ящик. В раскопанных нами курганах на р. Каргалинке на глубине 3.5 м от верха кургана были обнаружены каменные гробовища. Стенки погребального сооружения по длинной оси состоят из трех-четырех плит, в торцовых — из одной. Погребение перекрывалось поперечными плитами, а затем засыпалось землей с камнями. Особо крупные камни были внизу, более мелкие — сверху и в насыпи кургана. Около костяка, ориентированного головой на СВ, ногами на ЮЗ, были найдены: глиняный сосуд, бронзовый нож и шило. В другом погребении почти не было инвентаря, если не считать одного камня с явными следами употребления в качестве зернотерки. Стенки гробовища были обложены плитами и валунами. Отмеченные нами курганы каргалинской группы являются наиболее старыми и выделяются нами названием Каргалы I.⁷

Погребение Каргалы I по характеру инвентаря, как мы уже отметили выше, напоминает собой погребения по верхнему Таласу, раскопанные

¹ Как это явствует из последующего текста, где мы устанавливаем преобладание: саки-амюргий → усунь → западные тюрки. См. об этом также в нашей статье: Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. СЭ, VI—VII, 1947.

² Так наз. тохарская группа. См. у нас: К вопросу об усунь || кушан и тохары. СЭ, III, 1947.

³ Несомненно появление их в Индии раньше даты китайской версии. Все ахеменидские надписи, как правило, в перечне стран локализируют саков рядом с Индией. Саки, перешедшие «Висячий переход» после выдвижения усуней в III—II вв. до н. э., лишь пополнили сакские племена северной Индии и Афганистана.

⁴ Критика сведений античных авторов позволяет утверждать, что в отношении восточных саков более или менее достоверны: Геродот, Страбон, Птолемей; Квинта Курция мы предпочитаем Арриану.

⁵ J. Junge вводит дополнительный иконографический материал по сакам. В некоторых статуэтках Согда Григорьев также хотел видеть изображение сака. Возможное сходство сака с древним согдийцем вполне закономерно, ибо, как следует из учения Н. Я. Марра, *sak* и *sogd* генетически явления одного и того же порядка.

⁶ Работы ГАИМК на новостройках, вып. II.

⁷ Каргалы II относятся к III—I вв. до н. э.

Гейкелем в 1898 г., а именно курганы Айри-там и Чим-тюэ. Здесь в грунтовых ямах, обложенных камнями и валунами, были открыты сосуды со сферическим дном, бронзовый нож и обломки железа. Эти курганы датируются М. П. Грязновым VII—V вв. до н. э. и относятся к сакам.¹ Қаргалы I по отношению к таласским погребениям более ранние и, видимо, должны быть отнесены к типичным памятникам VIII—VII вв. до н. э., времени перехода от бронзы к железу, начиная собой ту серию памятников, которые могут принадлежать сакам.

Наибольшее количество памятников, которые могут быть отнесены к сакам, датируется V—IV вв. до н. э. В основном эти памятники случайного происхождения. Они происходят из разных мест Семиречья, начиная с Нарына и вплоть до Балхаша. В 1949 г. нами был раскопан на правом берегу р. Или один курган с грунтовым погребением этого времени (Қарачоко I), давший весьма характерные бронзовые втульчатые стрелы, ромбические в сечении, длиной до 4 см, с несколько опущенными жалъцами. находка позволила установить, что курганы с мягкими земляными насыпями, имеющими вид сегмента шара, могут быть отнесены к этому времени. Значительную группу таких курганов мы зафиксировали и к югу от поселка Кегень. Один раскопанный курган был совершенно разграблен, но установлено, что в нем была захоронена и лошадь. Расположены эти курганы цепочками. Такого типа курганы известны в большом количестве в Семиречье, в частности и под Алма-ата. Из них и происходит значительная часть случайных находок, представленных, главным образом, характерными семиреченскими котлами, жертвенниками, кинжалами, ножами и украшениями, сделанными из бронзы.²

Весьма характерны происходящие из Семиречья бронзовые литые шаровидные котлы (рис. 6—9). Котлы имеют конический поддон, полый внутри, иногда прорезной. Чаще всего котлы стоят на трех слегка выгнутых ножках. В некоторых котлах ножки украшены — в одном случае скульптурными статуэтками горных козлов, в двух других несколько стилизованными изображениями хищника, вероятно тигра. По краю одного из котлов изображены фигурки козлов, идущие по часовой стрелке. Ручки у семиреченских котлов гладкие, круглые в сечении, петлеобразные и расположены всегда симметрично крест-накрест у края котла, две вертикально и две горизонтально по отношению к наружной стенке котла. Ниже ручек — в некоторых случаях простой орнамент в виде шнура с незамкнутыми концами, два раза опоясывающего котел.

Особенностью семиреченских котлов является то, что они, как правило, находятся в комплексе с жертвенными столами, четырехугольными в плане, и светильниками. Жертвенники обычно имеют по углам четыре ножки, трактованные под лапы хищника. Отогнутый борт гладкий или украшен процессией фантастических хищников. Крылатые хищники здесь напоминают крылатую росомаху в аппликациях ноин-улинского ковра.³ На одном из жертвенных столов была литая из бронзы статуэтка быка-яка, имеющего на бедрах характерный орнамент в виде спирали, символа солнца. Такие спирали известны в усунских украшениях, вырезанных из листового золота. Светильники, круглые или четырехугольные в плане, также украшены скульптурами животных — либо процессиями хищников, либо сценами борьбы хищников с козлами. Светильник обычно укреплен на ажурной конусовидной подставке.

¹ История СССР, ч. I—II (макет). Ср.: ВДИ, 3, 1938.

² Часть вещей воспроизводится на прилагаемой таблице. Ср. также: М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры, сб. «Казахи», вып. 15.

³ С. Terveg. Excavations in Northern Mongolia. Л., 1932.

Вся эта группа находок обычно связывается с зороастрийским культом.¹ Действительно, жертвенники находят себе аналогии в некоторых предметах зороастрийского культа, известных в Иране от ахеменидов вплоть до сасанидского времени, и в Средней Азии времени бухархудатов.²

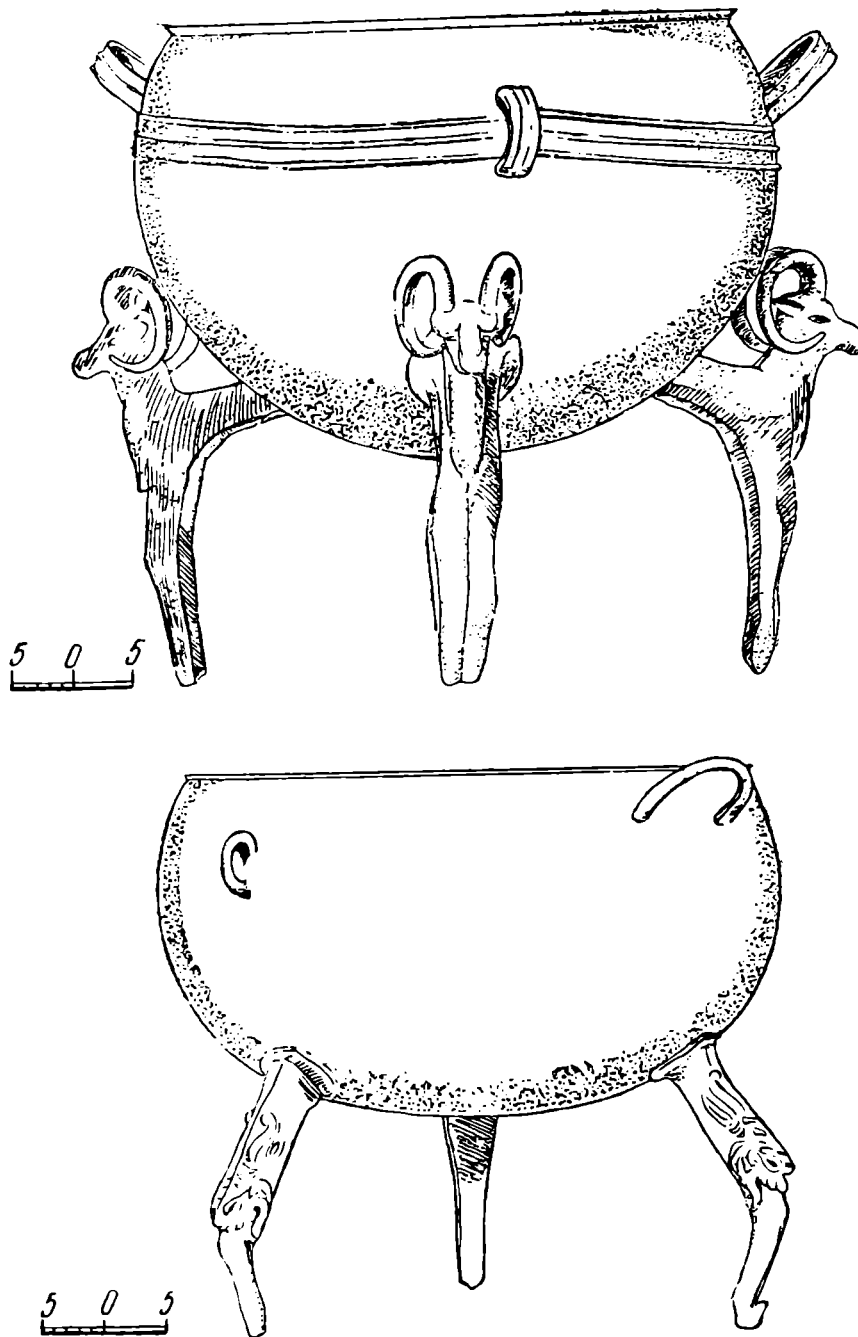

Рис. 6. Бронзовые котлы племен сакского круга V—III вв. до н. э. (по зарисовке Л. Г. Розиной).

Однако большей аналогией могут служить предметы домашнего обихода и культа Чжоусского Китая.³ Так, форма трехногого котла может быть

¹ А. Стрелков. Большой семиреченский алтарь. Сб. «С. Ф. Ольденбургу», Л., 1935.

² Ср.: К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ, I.

³ В. Карлгрен. Jin and Chou in Chinese Bronzes. Bull. of the Mus. of Far East. Antiquities. Стокгольм (в дальнейшем: MEA), вып. VIII, табл. XXX, Ср.: вып. IX.

сопоставлена с китайскими сосудами типа «дин», а четырехугольная «платформа» — с китайскими «фу». Характерно, что вне пределов Семиречья тип котлов на трех ножках (за исключением Китая) не имеет аналогий.¹ Более общей формой является конический поддон, известный

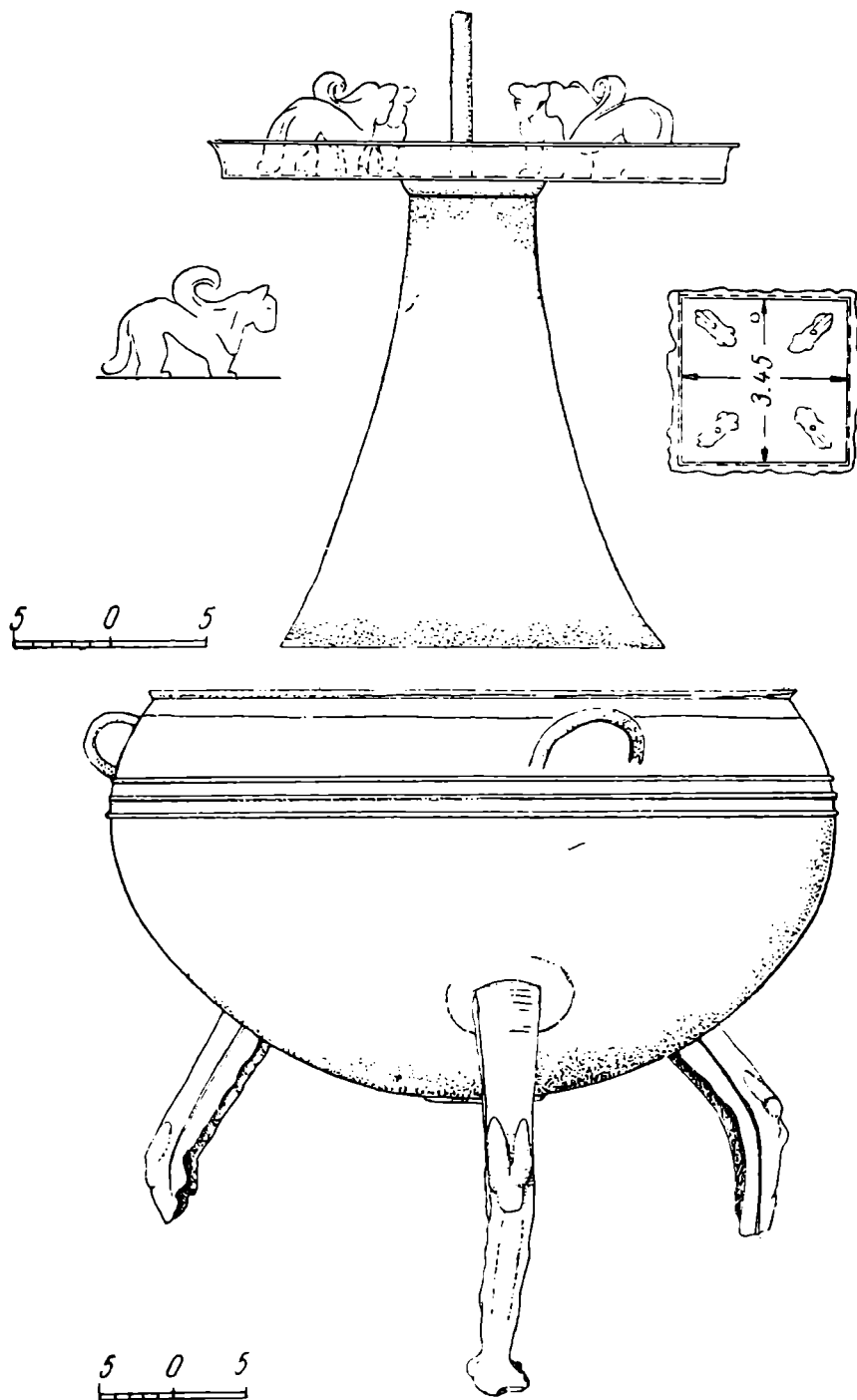

Рис. 7. Светильник и бронзовый котел племен сакского круга V—III вв. до н. э. (по зарисовке Л. Г. Розиной).

от Северного Китая до Чертомлыка. Для Семиречья, однако, типичны котлы на трех ножках. На территории же Северного Китая и Минусинского края этот тип сосуда из бронзы повторяется в глиняной посуде,

¹ Т. е. упомянутые нами котлы «дин».

начиная с поздней тагарской культуры.¹ Особенностью семиреченских котлов является и характер ручек. В котлах Минусинского края и в Китае обычно по краю котла имеются две вертикальные ручки. Ручки круглые в сечении и с шишечками, иногда плоские в сечении и прямоугольные в плане. Комплексы котлов с жертвенниками и светильниками принадле-

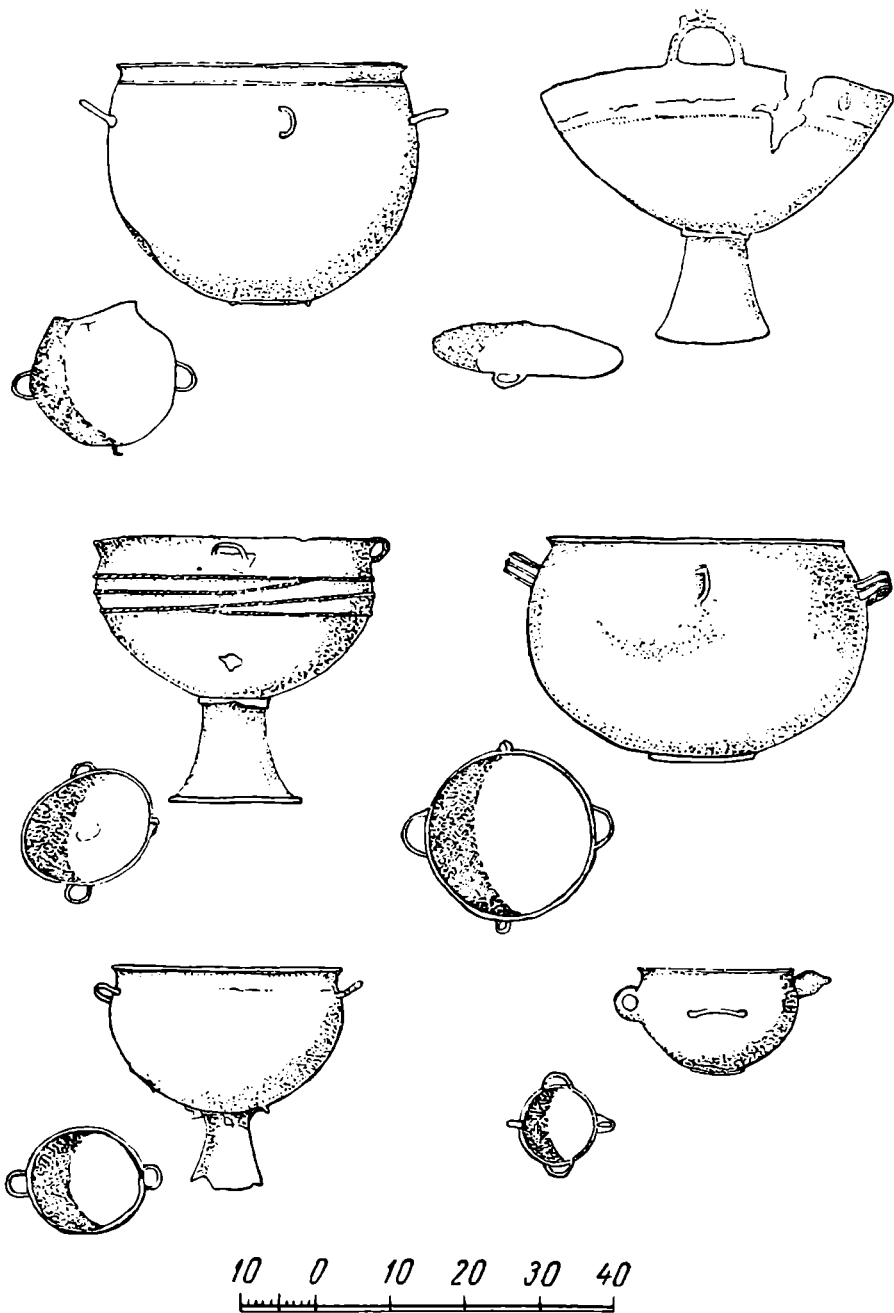

Рис. 8. Бронзовые котлы племен сакского круга V—III вв. до н. э.
(по зарисовкам Л. Г. Розиной).

жат к типично семиреченским явлениям. Порождены эти комплексы шаманско-зороастрийским культом кочевников Семиречья и четко выявляют культ огня. Характерно, что более поздние памятники зороастризма в Семиречье продолжают эту традицию в оформлении культа (см. гл. V о глиняных статуэтках животных).

¹ Особенности этих комплексов мы детально разбираем в работе «История изобразительного искусства Киргизстана» (рук.).

Выразительные по своей трактовке изображения зверей на вышеописанных предметах органически связаны по тематике и стилистическому выполнению с кругом памятников сибирско-китайского звериного стиля и соответствуют памятникам VI—IV вв. до н. э. Эти изображения имеют элементы фантастики, хотя еще далекой от гипертрофированной фантастики, характерной для так наз. сарматского искусства. Реалистически

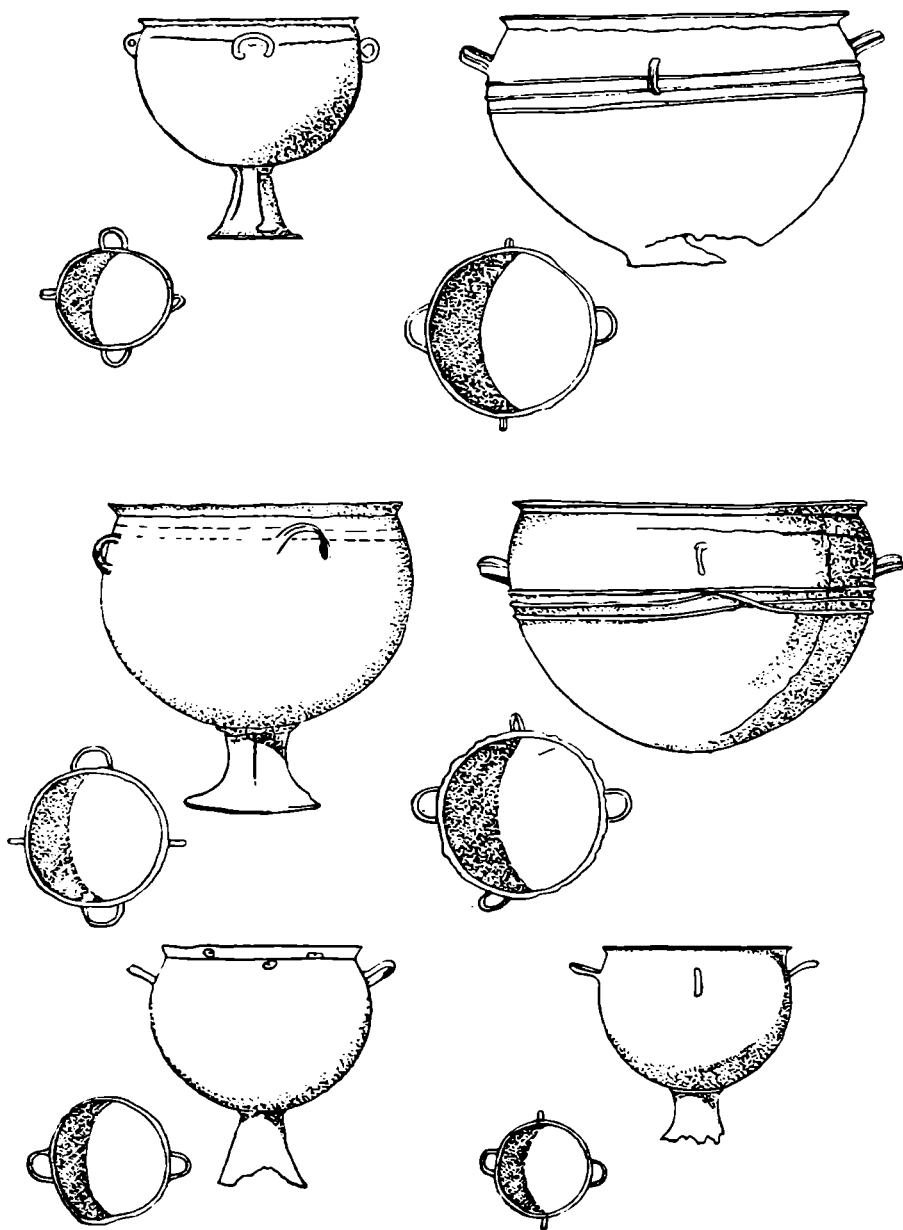

Рис. 9. Бронзовые котлы племен сакского круга V—III вв. до н. э.
(по зарисовкам Л. Г. Розиной).

переданные на скульптурах черты зверей близки изображениям карасукского и скифского обликов известных бронз Енисея и Северного Китая—Ордоса, Сюань-Хуа (Хубэй), Люан-Бин (Пекин) и т. д. Несколько стилизованные изображения хищников, находящиеся на ножках котла, объясняются, повидимому, иной техникой, пытающейся в бронзу перенести характерные черты резьбы по дереву. Даже у фантастических животных, шествующих по борту большого алмаатинского жертвенника, крылья, явно выражающие способность зверя к большому прыжку,

сделаны скульптором более реалистично, чем мы видим в упомянутых нами аппликациях ноин-улинского ковра. Самостоятельность и законченность каждой фигуры, отсутствие сложных сплетений изображений животных с растительной вязью, реалистичность трактовки — все это заставляет относить эти изображения к образцам раннескифского искусства, ко времени, когда одиночные изображения зверей, процессии их и сцены парной борьбы зверей хранят традиции реалистического канона. Стилистические особенности не позволяют относить эти вещи ко времени после IV в. до н. э. С III—II вв. до н. э. по хорошо датированным памятникам эта техника вырождается.

К группе только что описанных вещей примыкают и находки на Иссык-куле около Тюпского залива: наборы конского снаряжения и среди них бронзовые бляхи с барельефным изображением антилоп и хищников, бегущих по кругу. Из-под Алма-ата происходят пластинчатые ножи скифского типа, со слабо обособленной рукояткой, кинжал с опущенными «усиками» — перекрестием. Из Нарына нам известны характерные бронзовые овальные пряжки с трапециевидной рамкой. Здесь же были найдены и бронзовые удила, подобные тюпским. Важно отметить, что случайные находки на Нарыне сочетались с находкой (из одного кургана) глиняной чаши-миски со сферическим дном, типа, широко распространенного в усуньской культуре. Из Нарына и Тюпа происходят и бронзовые листовидные наконечники копий с длинным пером, с черенковым или втульчатым насадом. Только что описанные вещи полностью совпадают с памятниками ранней тагарской культуры и с ордосской бронзой. Для Семиречья эти памятники ограничены временем до III в. до н. э., когда они, видимо, исчезают и заменяются новыми формами, генетически восходящими к только что описанным.

Временем от III в. до н. э. до I в. н. э. на территории Семиречья датируется относительно значительная группа памятников как из случайных поступлений, так и в результате систематических раскопок, уже отмеченных выше. Намогильные памятники, относящиеся к этому времени, сравнительно единообразны. Характерно, что усуньские курганные поля, относящиеся ко второй половине указанного периода, несколько теряют строгость планировки и, наряду с цепочками курганов, наблюдается и беспорядочная их расстановка. Устройство погребальной камеры имеет также некоторые варианты: в курганах к востоку от Таласа (Чу, Иссык-куль), как правило, сравнительно обширная погребальная камера, в виде грунтовой ямы, перекрытая бревенчатым накатом или жердями из тяньшанской ели.¹ Различия наблюдаются и в инвентаре — предметах украшения и керамике. Общие черты керамики в таласских и чуйских могильниках таковы: керамика хрупкая, с дресвой, слабого обжига, инвентарь состоит из: 1) больших, иногда с небольшой ручкой кувшинообразных сосудов со сферическим дном; 2) малых плоскодонных сосудов баночной формы; 3) мисок со сферическим дном. В Берккаринском могильнике могут быть отмечены небольшие грушевидные сосуды с узким горлышком и отогнутым венчиком. Характерны для Берккаринского могильника шарообразные сосуды с открытым устьем, без венчика, с небольшой петлеобразной ручкой и коротким носиком. Среди мисок в Берккаринском могильнике обращают на себя внимание сосуды, имеющие четко срезанную закраину, профилированный бортик и подрезанное сферическое дно, образующее небольшую плоскодонность чашки.

¹ О них см.: М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, ВДИ, 3, 1938; ПСТД, стр. 10 и сл.

В основном сосуды со сферическим дном и шарообразным туловом восходят к предшествующим керамическим изделиям и повторяют формы Каргалы I, Айри-там и Чим-тюэ. Общим для них является не только форма и техника изготовления (отпечатки тканей на внутренней поверхности сосуда), но и отсутствие какого бы то ни было орнамента. В берккаринских сосудах иногда наблюдаются лишь следы затирки поверхности.

Весьма любопытны «чайники» из Берккары. Эта форма имеет аналогии в своеобразных бронзовых котлах, происходящих из Семиречья и хранящихся в Центральном музее Казахстана (г. Алма-ата), видимо, более поздних.

Связь культуры чуйских и таласских погребений с более ранними прослеживается и в предметах украшения. Так может быть сопоставлена поясная пряжка в виде пластинки с барельефным изображением хищника, глотающего птицу (по трактовке изображения и технике явно подражающим резьбе по дереву), с изображениями на ножках одного из иссыккульских котлов. Форма пряжек с крючком для застегивания найдет себе аналогии от Северного Китая до Северного Кавказа.¹ Изображение спиралей на скульптурной фигуре быка находит аналогии в резных золотых пластинках из Буранинских курганов, в спирали на каменном столике, в изображении индийского яка из Кырчина и т. д.

К числу явлений, имеющих аналогии в более ранних памятниках, можно отнести, например, зеркало с боковой ручкой в виде стилизованного грифона, новые типы стрел, в частности костяные, трехгранные, с черенком, еще скифского типа меч — акинак. Все эти предметы, помимо преемственности ранних форм, связываются не только с предшествующими им памятниками Семиречья, но в большинстве случаев имеют аналогии среди памятников Южной Сибири, в том числе и Алтая. Такие характерные вещи, как каргалинская диадема, найдут аналогии в еще более широком круге памятников позднескифского-раннесарматского искусства.

Изложенное показывает, что культура Семиречья VII в. до н. э. — I в. н. э. представляет собой единую линию развития. Однако письменные свидетельства античных и китайских авторов об этом районе помещают здесь вначале саков, а затем, с III в. до н. э., усуней. Если верить китайским сообщениям, то усунь пришли сюда из Восточного Туркестана. Если это было так, то вряд ли культура Семиречья имела бы наличный характер и, вероятно, на ней отразилось бы влияние Восточного Туркестана. Очевидно, что о миграции усуней не приходится говорить, и скорее всего здесь речь может идти о замене названия союза племен, в силу утраты саками политического могущества и выдвижения другого племени. Этого вопроса мы касались в другом месте.²

Следует отметить, что к III в. до н. э. сакская культура расщепляется на две формы, представленные памятниками чуйских и таласских погребений. Несмотря на эти отличия, связанные, быть может, с разными племенными компонентами (племена: усунь и восточные кангюй?), в обоих случаях мы имеем дело с единым развитием сакской культуры. В эту пору завершается ее развитие, и хотя памятники поздних кочевников VI—VIII вв. имеют некоторые связи с ранними кочевниками, все же они представляют совершенно отличное в культурном отношении явление. Известный переход к этому новому качеству происходит в усунский период.

¹ А. Н. Бернштам. Берккаринская пряжка. КСИМК, XVII.

² АОСК, стр. 24 и сл.

Усунский племенной союз занимал в III в. до н. э. — V в. н. э. Тянь-шань и его отроги, т. е. современную Киргизию, часть Южного Казахстана и Алмаатинской области. Значение усуней весьма велико для истории тюркских народов Средней Азии. Название «усунь» сохранилось в племенных делениях казахов, а по мнению Н. Аристова усунь составляли западную ветвь кыргызов.¹

Сведения об усунях содержат китайские источники. Ознакомлением с усунями китайцы обязаны Чжан-цяню, посетившему усуней два раза, в 136—128 и 115 гг. до н. э. Только со времени Чжан-цяня сведения об усунях приобретают реальный характер. Чжан-цянй сообщает, что усунь прежде находились под властью гуннов. Эти слова Чжан-цяня составитель «Исторических записок» («Ши Цзи») Сымацянь (умер в 99 г. до н. э.) использовал для того, чтобы приписать гуннскому князю Модэ раннюю победу над усунями в конце III — начале II в. н. э. К весьма легендарным сообщениям относится предание о том, что усунь ранее кочевали около провинции Ганьсу, а затем, разбитые гуннскими шаньюсями Модэ и Лаошанем, перекочевали на Тянь-шань. Эта версия китайского источника вызывает некоторые сомнения. Археологические памятники Ганьсу, Хэнани и южной части Восточного Туркестана, где китайские источники видят место происхождения усуней (в середине и второй половине I тысячелетия до н. э.), резко отличны от культуры тяньшанских усуней. Когда на Тянь-шань в первых веках новой эры через посредство гуннов проникают влияния Восточного Туркестана, то не приходится сомневаться в том, что в культуре проявляются элементы явно не местного происхождения. С другой стороны, анализ усунских памятников и находящихся с ними по соседству к западу от Таласа памятников кочевников того же времени (Берккаринский могильник) показывает, что эти памятники являются логическим завершением и развитием культуры предшествующего периода VII—III вв. до н. э.

Характер инвентаря погребений, само устройство погребения не только увязываются с предшествующей культурой, но вместе с тем находят себе аналогии и в южносибирском круге памятников. Таковы прежде всего тематика и стиль звериных изображений, тип спиралевидной серьги из тонкой золотой проволоки, некоторые формы керамики и мн. др. Все это позволяет указать, что археологические памятники кочевников III в. до н. э. — I в. н. э. с территории Тянь-шаня, т. е. времени господства здесь усуней, теснейшим образом связаны: 1) хронологически — с памятниками местной сакской культуры VII—IV вв. до н. э., 2) пространственно — с южносибирским кругом памятников. Археологический материал как бы опровергает китайскую версию о приходе усуней на Тянь-шань из Восточного Туркестана и заставляет критически рассмотреть письменные свидетельства по этому вопросу.

Сакские племена, занимавшие Тянь-шань в предшествующую усуням эпоху, были увлечены потоком юечжийских племен, обрушившихся в 140 г. до н. э. на греко-бактрийское царство. Китайцы сообщают, что среди усуней остались многие поколения юечжей и саков, находившихся под главенством усунского союза. В отличие от китайцев, античные авторы, в первую очередь Страбон и Трог Помпей, сообщают о большом количестве племен, вышедших с Тянь-шаня и разгромивших Греко-Бактрию. Оба упоминают юечжей, под именем тохаров, сакарауков, племена асии, а Страбон пасаинов, которых опускает Трог Помпей. Оба автора явно восходят к более ранним источникам, но не раньше эпохи

¹ ЖС, вып. III—IV, 1894.

Александра Македонского, когда все племена Тянь-шаня назывались просто саками.

Существенные дополнения к свидетельствам названных авторов сообщает Птолемей, который среди других племен помещает скифских исседонов, в отличие от исседонов «серских», живших в Восточном Туркестане. Известно, что Птолемей заимствует свои данные от Марина Тирского, в свою очередь получавшего сведения от Мазса, македонского купца, участвовавшего в торговых операциях с Китаем. Скифские исседоны новейшим исследователем Птолемея, А. Бертелло, помещаются на восточном Тянь-шане.

В то время как асии, паспаны и прочие племена Страбона — Трога становятся известны лишь со II в. до н. э., имя исседонов восходит к VI в. до н. э. У Аристия Проконисского, автора поэмы Аримаспея, исседоны — последнее из «реальных», по выражению А. Херманна, северо-восточных племен. Сведения Аристия повторяет Геродот, также не давая исседонам точной локализации. Единственно, что мы можем узнать у Аристия — Геродота, это то, что исседоны имели своими соседями богатые золотом племена (вероятно, племена Алтая). Птолемей не просто заимствует сведения у своих предшественников, но дает исседонам точную локализацию, причем различает две их группы. Совершенно ясно, что, по сравнению с Аристеем, он обладал новыми данными. Исходя из данных Птолемея, нельзя согласиться с мнением А. Херманна о том, что исседоны — приуральские племена и что р. Исет — топонимический след бывших здесь исседонов. Несомненно вернее мнение Р. Хеннинга и Ю. Юнге, рассматривающих исседонов как группу южносибирских и приалтайских племен, а не восточноевропейских. Укажем на обычай исседонов употреблять череп для изготовления чаш для питья (обычай этот, видимо, от них перешел к гуннам, которые сделали чашу из черепа юечжийского вождя для церемониального питья во время произнесения клятвы). Заметные пережитки материнского рода у исседонов также отвечают состоянию племен сако-массагетского комплекса.

Из изложенного следует, что исседоны являются племенами восточной части Средней Азии, соседящими с южносибирскими племенами и известными античной науке с VI в. до н. э. по II в. н. э., причем ко времени Птолемея были известны две ветви исседонов. Эти исседоны и являлись носителями культуры Семиречья, составляя с другими племенами в предусунскую эпоху сакский племенной союз. Во II в. до н. э., когда саки ушли с Тянь-шаня в Среднюю Азию и Припамирье, с ними ушла и часть исседонских племен, асии и паспаны. В названии *асии* мы видим усеченную форму имени *исседон*, давно уже сопоставленную в литературе с именем *усунь*. В аналогичном положении находится и имя *пасии*. Имя *арси* уже было сопоставлено с *асии*. Очевидно, что речь идет о разных вариантах одного и того же названия, в разных вариантах имевшего основу *ас*, *ис*, *ус*.

Племена сакарауки были еще О. Франкэ сопоставлены с китайскими известиями о сакском князе, занявшем после разгрома юечжами область Гибинь (Кашмир). С этой поры, т. е. с 170—160 гг. до н. э., китайцы уже сообщают, что «сакские племена живут рассеянно друг от друга под зависимостью других племен». Этими «другими» племенами стали на Тянь-шане усунь-исседоны.¹

¹ Все эти вопросы, тесно связанные с тохарской проблемой, отражены в многочисленной литературе, сводку которой см.: И. У м н я к о в. Тохарская проблема. ВДИ, 3/4, 1940; он же. Тохары и тохарский вопрос. Труды Узбекского Гос. университета, нов. сер., Ист.-фил. в. I. Самарканд, 1946. Ср. также: А. Б е р н ш т а м. Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947.

Совершенно очевидно, что Птолемей в ряде случаев восходил к Геродоту, что доказывается, в частности, помещением им массагетов на западном Тянь-шане, где они в его время явно уже не жили. Это попытка примирить данные предшественников с его собственными сведениями. В таком же положении и термин *исседон* у Птолемея. Пользуясь аристеевско-геродотовским термином, Птолемей его соединяет с современными ему данными о расселении исседонов. Судя по сообщениям Страбона и Трога, вероятнее полагать, что во время Птолемея бытовал уже усеченный термин и его наиболее верной передачей была китайская транскрипция — *усунь*.

Разделение усуней-исседонов на две ветви — тяньшанскую и восточнотуркестанскую — несомненно. Когда ослабло влияние саков на Тянь-шане, их восточные соседи, исседоны, выступили на политическую арену и забрали в свои руки власть среди кочевников Тянь-шаня. Воссоединение с ними восточнотуркестанской ветви исседонов послужило, вероятно, поводом для создания китайской версии о миграции усуней из южной части Восточного Туркестана. На самом деле, на Тянь-шане произошло лишь выдвижение одного из местных сакских племен, исседонов-усунь. Естественно, что этот процесс исключал возможность возникновения принципиально новых явлений в культуре кочевников Тянь-шаня. Культура оставалась в основе та же, т. е. сакская, претерпевшая закономерное развитие. Проникновение в нее китайских элементов объясняется связью усуней с Китаем.

Наша трактовка происхождения усуней объясняет и сделанные выше выводы о характере археологических памятников III в. до н. э. — I в. н. э. Связь усунской (исседонской) культуры с сакской культурой VII—IV вв. до н. э. объясняется тем, что исседоны-усуни являлись частью сакского союза; тесная связанность этой культуры с южносибирской объясняется местоположением исседонов-усуней на рубеже Южной Сибири и Семиречья. Вот почему выдвижение исседонов (а это и есть происхождение усуней) не внесло ничего принципиально нового в культуру Семиречья. Гегемония гуннов в первых веках новой эры в Семиречье (когда временно даже исчезает имя *усунь*) и скрещивание гуннов с усунскими племенами определило тюркский этногенез усуней, вошедших в состав тюркоязычных племен Семиречья. Впрочем, изучение этого вопроса составляет особую проблему, рассмотрению которой посвящен последующий текст.

IV. ГУННСКИЙ ЭТАП (КЕНКОЛ) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Выразительные находки в Кенкольском могильнике на Таласе¹ свидетельствуют о неоднократных вторжениях в Семиречье гуннов и скрещивании их с местным населением. Почти двухвековое господство гуннов на Тянь-шане (50 г. до н. э. — 130 г. н. э.) с постепенным распространением их власти и культуры на Запад (в Фергану и Ташкентский оазис) — эпоха формирования культуры тюркского облика и внесения монголоидных черт в европеоидный субстрат местного населения. Это была эпоха совпадения процессов антропо- и этногенеза, положившая начало кристаллизации типических черт современного тюркоязычного населения Средней Азии, прежде всего кочевого. Кроме Таласа могильники этого типа открыты нами в Центральном Тянь-шане (рис. 10), в Арпе (Бурмачап II и III); несомненно с ними связано формирование культуры катакомбного типа в Фергане (Исфара, Ширин-сай) и в Ташкентском оазисе (Каунчи).

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Типические черты культуры кенкольского типа: лепная керамика, порой совершенной выделки со скупым волнистым орнаментом, конические прясла из глины, деревянная посуда (тарелки, кубки), сложно-составной лук с костяными накладками, стрелы со скифоидными железными наконечниками, плоские костяные наконечники стрел с равным длине стрелы черенком, деревянные, подражающие китайским, столики на ножках, обилие китайского шелка. Орнамент в вышивках — криволинейный и растительный, простого сюжета. Появляется инкрустация в гнездах (карнеоль) и зернь по ободку гнезда или по краю овального медальона.

Звериные мотивы приобретают геометризированные формы. Характерны серьги (Берккара II) с подвесками, иногда ажурными, на которых появляется зернь. На украшениях (бронзовые шпильки) широко распространено изображение птиц (явно двух типов — хищники и куриные, типа голубя).

Типично для могильников этой эпохи появление иноземных вещей: западного, греко-бактрийского происхождения с античными сюжетами (Буранинская группа, Чуйская долина), но чаще китайского происхождения — китайский лак (Чуйская долина), нефрит (Берккара II).

Распространение усуньской культуры весьма широкое, она имеет много вариантов, хотя весьма незначительных. Помимо того, что она зарегистрирована нами по всему Семиречью (северная точка, которую мы сами наблюдали, — бассейн Коксу и Каратала), по всему Центральному Тянь-шаню, она выходит в Ташкентский оазис (Буруглюкская культура) и Фергану. В последнем случае усуньская культура встречается и в комплексах оседлых поселений.

Расовый тип усуней — памиро-ферганский, европеоидный тип. Ориентация покойника, как и в сакских погребениях, — головой на запад.

Насыпи мягкие, земляные, иногда обведены небольшим рвом вдоль поперечной насыпи (Тянь-шань); могильное помещение состоит из узкого длинного дромоса (айвон) и овального в плане помещения для покойника (ляхат). В Фергане и в Ташкентском оазисе айвон имеет несколько иную конструкцию: он более открытый, иногда в ширину всей могилы. Входы в катакомбы ориентированы по-разному и соотносятся с удобствами технического порядка (катакомбы вырубались теслом-чотом обычно по мягким склонам гор).

Наверху, в насыпи, часто встречаются группы камней, а также остатки костей собаки, лисы. В некоторых насыпях или дромосах погребения рабов европеоидов усуней.

В отдельных погребениях прекрасной сохранности были открыты: типично кочевническая одежда (шаровары, чарыки — мягкие бескаблучные сапоги, широкие женские платья на высокой кокетке, ниспадающие множеством складок), кочевнические колыбели типа современных «бешик-бала». Погребения парные (мужчина и женщина, иногда и дети грудного возраста) или только женские. Все черепа деформированы (кольцевая деформация). Следы деформации отмечены на черепах 6- и 20-месячных детей.

Синхронны гуннским погребениям Тянь-шаня усуньские погребения Илийской долины (Карачоко II, Каргалы II), где наличествует усуньская керамика совершенных форм, появляется желтый ангоб. К этому времени мы относим часть погребений Берккара II. В керамике попадаются чаши со сплошным поддоном, по краю идет паз, вероятно для крышки. Новым для этого времени является находка костяных и бронзовых костыльников от ремня, а также бронзовых пряжек без язычка с ажурным прямоугольным основанием и овальной рамкой для продерживания ремня.

Форма чаш идентична широко распространенным в это время кушанским чашам Ферганы, где они более тонкой выделки и покрыты красным лаком. Этот тип чаш, иногда с ребристым верхним краем, покрытых красным лаком, вернее — толстым слоем красного ангоба (отваливающегося от стенок чаш чешуйками), встречен в Джувантепинском могильнике Илийской долины в малых (по диаметру и глубине могильной ямы) курганах (диаметр — 3—4 м, высота — 0.10—0.25, глубина — 1 м). В Джувантепинском могильнике исчезает традиционная усунская цепочка курганов. Наряду с керамикой этого типа найдены бусы (бочковидные пастовые, иногда глазчатые). Могила часто перекрыта жердевым нака-

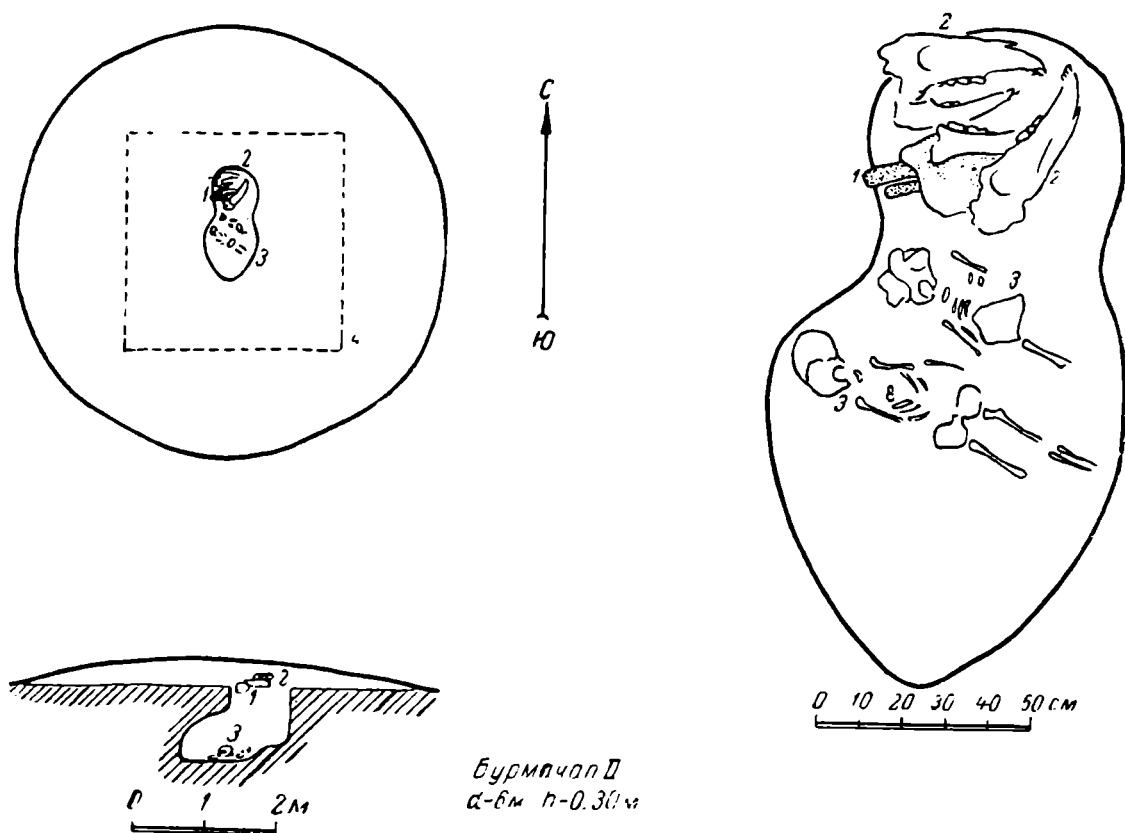

Рис. 10. Арпа, Бурмачап II. Тип катакомбы гуннского времени. Рубеж н. э.
1 — камни, 2 — черепа лошадей, 3 — детские скелеты, 4 — граница раскопа.

том. Продолжающий традицию усунской культуры Джувантепинский могильник по керамике, исполненной на гончарном кругу, должен быть отнесен к V—VII вв. н. э.

Полагаем, что эта культура выросла на основе культуры тех усуней, которые вначале были отброшены гуннами с коренных мест (Северное Притяньшанье), а позднее, смешавшись с ними, образовали известный еще в V в. н. э. племенной союз «юебань», в VI в. известный в конфедерации племен дулу западнотюркского каганата под именем «чубань». Быть может, вторжение гуннов — причина северного (а не только западного) расселения усуней, и это вторжение, несомненно, важнейший компонент в сложении тюркоязычного характера местного кочевого населения сако-усунского периода, окончательно в гуннский период перешедшего в русло тюркского этногенеза.

Другими словами, для первых этапов гуннского периода характерно совместное существование усунской культуры и культуры кенкольского

типа; впоследствии происходит их скрещение и проникновение на северо-восток (Илийская долина) культурных явлений юго-запада (красный лак и некоторые формы сосудов кушанской Ферганы), вызванное расширением над этими районами власти северогуннского племенного союза.

В то же время это был этап активной тюркизации местных племен, в VI—VIII вв. усиливающейся в результате связей с приалтайским кругом племен, нашедших свое выражение как в материальной культуре, так и в ряде других явлений (например, в языке).

В предшествующей главе мы пытались показать происхождение усуней как процесс развития сакской культуры и выдвижения на политическую сцену в Семиречье новых сакских племен — исседонов. Население в Семиречье ко времени гуннов складывается из ряда племен, среди которых усунь занимают господствующее положение.

Соседями усуней с востока были северные чешы, этнический тип которых и культура, равно как и точная их локализация, нам не известны. Долина Уту, в которой располагались чешы, может быть очень предположительно отождествлена с долиной Иртыша, а каменный город владельца чешы мы вообще лишены возможности локализовать, в силу плохой изученности района Иртыша в археологическом отношении.¹ Укажем на тот факт, что поздние города долины Иртыша, в отличие от современных им городов восточного Туркестана и Семиречья, тем более Средней Азии, строились из камня (например Аблайкит). Быть может и в древности эта особенность являлась характерной чертой для культуры населения в районе Иртыша. Если это так, то курганы по Иртышу, датируемые рубежом новой эры, могут быть отнесены к племенам чешы.²

В непосредственной близости от Иртыша, тяготея к северо-западной Монголии, находились племена, название которых обычно транскрибируют *цзюе шэ*. Однако, если следовать В. Карлгренну, то древнее произношение первого иероглифа будет звучать *k'juat*, второго — *d'z'iaŋ*, что дает ясное представление об этом племенном названии: всего вероятнее видеть в нем «кыпчак». Племена кыпчаков на этой территории упоминаются и в рунических текстах VIII в. в Селенгинском памятнике, что подтверждает возможность локализации кыпчаков III в. до н. э. в районах Алтая. Если этническая принадлежность чешы неясна, то кыпчаки были тюркоязычными племенами.³ Вблизи этих племен, вероятно на Алтае, могут быть локализованы племена синли. К северо-западу от усуней, занимавших все южное и среднее Семиречье, были расположены племена «худэ». Опять же древнее чтение этого названия дает несколько иную картину — *χuo tək*, которое мы предлагаем отождествлять с формой *остяк*.⁴

Усунь на юге граничили с владениями гумо, т. е. фактически с Восточным Туркестаном, на юго-западе — с Ферганой, на западе — с кангюй.⁵ Границы кангюй подходили к р. Талас, восточная область их расселения, по имени «Лююени», занимала территорию начиная от северных пределов Ферганы вплоть до нижнего Чу — с юга на север и от Таласа до Сырдарьи — с востока на запад.⁶

¹ См.: Цянь Хан-шу (в дальнейшем: ЦХШ), гл. 96^б, л. 17^а. — И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III. СПб., 1851, стр. 88—89.

² Материал не опубликован. Раскопки С. С. Черникова.

³ Об этом см. у нас: СЭ, VI—VII.

⁴ См. у нас: СЭ, 2, 1947.

⁵ ЦХШ, гл. 96^б, л. 16. — И. Бичурин, ук. соч., стр. 63—64.

⁶ Этому вопросу и обсуждению мнения С. П. Толстова о племенах кангюй (ИАН, ОИФ, 4, 1945) мы посвятим особую статью.

В культуре восточных кангюйцев наблюдается много сходства с культурой усуней. Объясняется это общностью происхождения их от сакской культуры, близостью восточных кангюй к усуням и естественным наличием культурных связей, а также возможностью скрещения культуры усуней и кангюй, о чем мы имеем прямые свидетельства. В последнем десятилетии I в. до н. э. один из представителей усунской знати по имени Бихуанъчжи, младший брат убитого (при его же содействии) гуньмо Мочженьгяня, продолжающий борьбу с оставшейся знатью, взял 80 000 человек ему подвластных кочевников и ушел к племенам кангюй.¹ Этими фактами связи усуней с кангюй и объясняется культурная близость инвентаря берккаринских и чуйских погребений этого времени.

Этнонимы *усунь*, *кыпчак* и *кангюй* (= *канглы*) сохранились в племенных названиях казахов, что показывает связанность современных тюркоязычных племен Средней Азии, в частности казахов, с древним кочевым населением Семиречья. В силу этой же связи можно предполагать, что племена усунь, кыпчак и кангюй были тюркоязычны. Для доказательства этого положения существуют еще некоторые небезинтересные факты. Так, например, у усуней были некие дагян (大將)² — чиновники. Китайцы так и транскрибируют этот титул, придавая ему смысловое содержание. Однако *дагян* — то же, что и позднейшее китайское *дагань*,³ являющееся не чем иным, как транскрипцией тюркского термина *тархан*. Когда китайцы лучше познакомились с кочевниками, они стали употреблять транскрипцию этого титула без попыток дать ему китаизированное смысловое содержание. Не меньший интерес представляет и другой титул: 翎侯 — хи-хэу.⁴ Известно, что титул хи-хэу, который обычно отмечается только у юечжи⁵ (а на самом деле был и у усуней), является не чем иным, как древней формой титула *ябгу*, хорошо известного в рунических, тюркских текстах. Отметим, наконец, что китайские царевны, многие из которых находились в ставках усуней, носили титул 公主 — гунчжу, сопоставленный П. Пелльо с руническим кыргызских и орхонских текстов.⁶

Отмеченные нами факты связи усунской терминологии с тюркской, быть может, позволяют более решительно предполагать тюркоязычность усуней, предложенную еще К. Ширатори и с сомнением принятую В. В. Бартольд. В. В. Бартольд прав, когда он критикует попытку К. Ширатори в последней части титула гуньмо видеть транскрипцию тюркского *бей*, известного лишь с XVII в.⁷

Чтобы исчерпать сведения об этническом составе Семиречья в этот период, следует еще отметить племена уге, жившие к северу от усуней, видимо на Тарбагатае, и западную ветвь цзянь-кунь поблизости от них.⁸ Севернее Балхаша китайцы называют племена дин-лин, как известно, термин собирательного характера, особенно для этой эпохи.

Решающую роль в развитии культуры и сложении тюркоязычных народностей Семиречья сыграли гунны — не только непосредственно, но и через посредство таких племен как, например, чешы.

¹ ЦХШ, гл. 96б, л. 8а. — П. Бичурин, ук. соч., стр. 75—76.

² Там же, л. 1а и сл.

³ Синь-Тан-шу (в дальнейшем: СТШ), гл. 140б, л. 20а.

⁴ ЦХШ, гл. 96б, л. 7а.

⁵ О проникновении этого титула от усуней к юечжам-кушанам см. мою статью: К вопросу об усунь || кушан и тохары. СЭ, 3, 1947.

⁶ См. об этом у нас: Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. Л., 1946, стр. 161, прим. 4.

⁷ К. Shiraori. Ueber die Wu sun Stammen in Centralasien. Revue Orientale, III, вып. 2—3, 1902.

⁸ О них см. АОСР, стр. 49—51.

Древнейшие сведения о проникновении гуннов в страну усуней относятся к походам Модэ (начало II в. до н. э.), когда Ши-цзи сообщает, что Модэ покорил 26 владений Восточного Туркестана, племена хусе и усунь. С той поры жители всех этих владений вступили в ряды гуннских войск. Этот эпизод лег в основу дальнейших сообщений китайцев об усунях, когда они констатируют факт зависимости усуней от гуннов и во время Чжан-цзяня. Если политическая власть гуннов и недостаточно сильно проявлялась над усунями во II в., то она имела своим прямым результатом приобщение усуней к китайской культуре, получившей особенно широкое распространение среди усуней в I в. до н. э. С этого времени усуньки устанавливают самостоятельные связи с Китаем. Падение гуннов в Монголии к середине I в. до н. э. способствует усилению связей усуней с Китаем.

Раскол гуннов на две части имел огромное значение прежде всего для Семиречья. Как мы уже неоднократно отмечали, шаньюй Чжи Чжи откочевал в сторону Семиречья, причем выступал в союзе с племенами кангюй против усуней в 49—48 гг. до н. э.¹

В начале своей деятельности шаньюй Чжи Чжи направился в сторону Восточного Туркестана. Здесь, успешно разгромив войска самозванца Илимун, он присоединил к своим войскам 50 000 жителей Восточного Туркестана и остался временно в Восточном Туркестане. Лишь отсюда он направился в сторону усуней, отправив к усунскому гунью Уцзюту посла, который был убит усунями. Отсюда, т. е. из Восточного Туркестана, он пошел войной против усуней, разбил их на Тянь-шане, пошел на север и разбил племена уге, к западу от них — племена цзянь-кунь, на севере — дин-лин. Отсюда он отправлял войска против усуней, а затем, по предложению кангюй (примерно в 47 г. до н. э.), провел большой поход против усуней, врезавшись в качестве своеобразного буфера по р. Талас между усунями и кангюй. В верховьях Таласа была ставка Чжи Чжи-шаньюя, и здесь он был разбит китайскими полководцами Чань-Таном и Гань Янь-шоу.²

Уже из этих маршрутов похода Чжи Чжи явствует, что его орды были весьма пестрыми этнически; в процессе войн в Восточном Туркестане с племенами уге, цзянь-кунь и дин-лин северные гунны соприкасались с разнообразными этническими и культурными явлениями, которые и были принесены ими в Семиречье.

Аналогичное значение имели и последующие вторжения гуннов в Семиречье.

Среди них следует отметить движение гуннов в конце I в. н. э., когда северные гунны, разгромленные сяньбийцами в Монголии, перешли Тарбагатай и Тянь-шань и обосновались в Семиречье, положив основу возникновения племенного союза юебань. С этого времени, т. е. с I в. н. э., в китайских источниках и исчезают самостоятельные повествования об усунях, видимо потому, что гунны захватывают власть в свои руки. Во всяком случае в согласии с этим находится первое сообщение китайцев о том, что гунны имели уже западный аймак, причем, судя по тексту, речь может идти лишь о среднеазиатских гуннах. В начале II в. (первая его треть) Семиречье, начиная с северных чешы, входит во владения западных гуннов, именно «князя» Хояня, распространившего свою власть от Баркуля до Каспийского моря. Фактически и Восточный Туркестан, включая Лоб-нор (Тянь-шань), находился под контролем гуннов. Такие оазисы, как Хами (Иву) и Баркуль (Пулэй),

¹ А. Н. Бернштам. Хуханье и Чжи Чжи шаньюй. Советское востоковедение (в дальнейшем: СВ), т. I; АОСК.

² См. об этом у нас: АОСК, стр. 49 и сл.

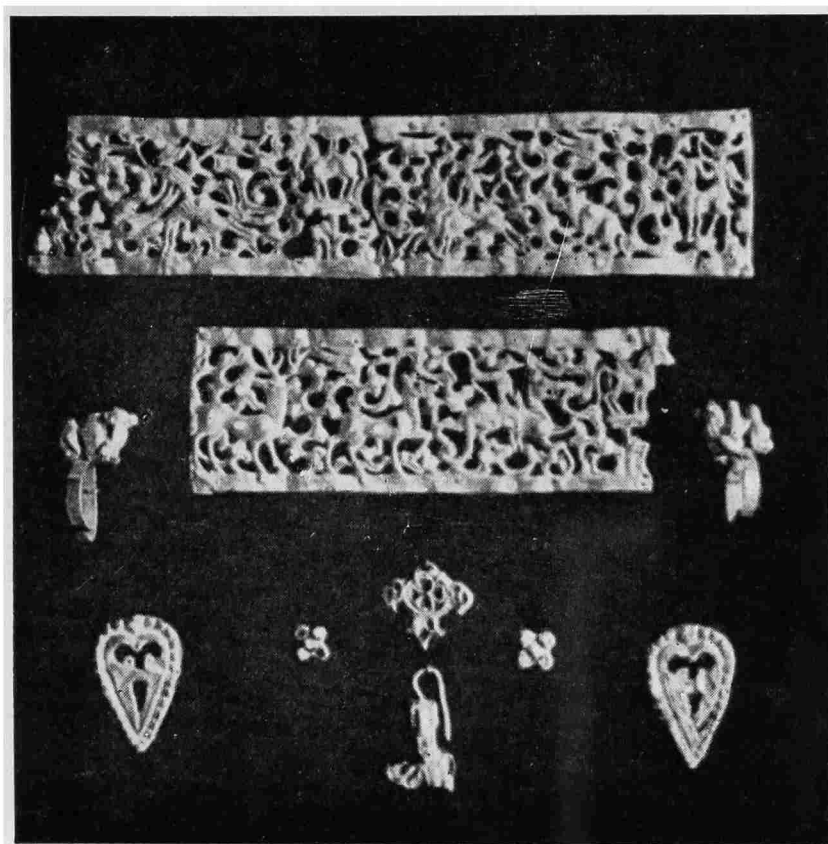

Рис. 11. Каргалинское ущелье. Золотые украшения рубежа II, Б.

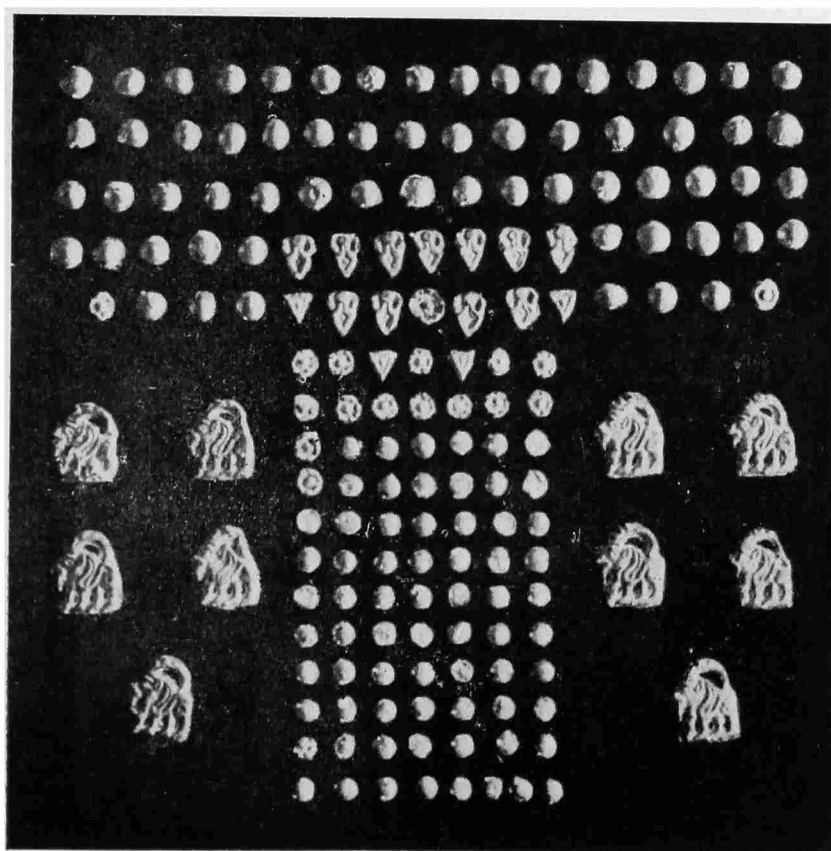

Рис. 12. Каргалинское ущелье. Золотые украшения рубежа II, Э.

почти все время удерживаются гуннами, и еще в середине II в. (151—153 гг.) северные гунны успешно ведут борьбу с китайскими войсками, имея в своих руках оазис Хами. Однако эти годы были концом подъема северных гуннов. Уже в 155—156 гг. имеются сообщения о том, что предводитель сяньби Таншихуай «поразил усунь и завладел всеми землями, бывшими под властью гуннов».¹ Несомненно, что здесь имеется некоторое преувеличение; вряд ли сяньби были длительное время хозяевами в Семиречье, но во всяком случае они могли на время ослабить значение северных гуннов или, что вернее, отодвинуть их к западу. Такую же роль сыграли и племена тоба, которые всего вероятней при Тоба-ито в 297 г., а затем в 315—318 гг. при Юйлюй покорили древнеусунские земли и все «лежащее от уге на запад».² Походы Таншихуай, Тоба-ито, Юйлюй не вытеснили все же всех гуннов из Семиречья, и еще в V в. н. э. они существуют здесь под именем «себань».

Из этого краткого перечня событий, которые претерпело Семиречье, явствуют и возможные культурные связи и влияния на племена Семиречья за период господства здесь гуннов. Если к этому вспомнить оживленные торговые связи между усунями и Китаем во время затиший между многочисленными войнами, то станет ясным, сколько культурных вариантов могли запечатлеть археологические памятники Семиречья.

Прежде всего здесь должно быть отмечено влияние Китая, осуществляемое вначале через посредство гуннов. Затем могут быть отмечены возможные проникновения восточнотуркестанской культуры, особенно со времени шанькя Чжи Чжи. Северные походы сяньби и тоба продолжали возможную конвергенцию культуры племен Енисея, Алтая и Семиречья. Этим и объясняются такие явления, как каргалинская диадема (рис. 11—12)³ и китайские вещи в инвентаре могил, сходство Кенкола с памятниками Лоу-Лани, единство в этих районах и процесса расогенеза — постепенное наступление монголоидных элементов. Как мы указали в начале, складываются элементы кочевой тюркской культуры.

В. ТЮРКО-СОГДИЙСКИЙ ЭТАП VI—VIII вв. И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ПЛЕМЕН СЕМИРЕЧЬЯ

Сложность этого этапа объясняется тем, что в местный процесс развития культуры кочевых народов вклинивается мощная струя земледельческой культуры согдийских эмигрантов.⁴ До скрещения этих элементов, происшедшего в карлукский (VIII—X вв.), а главным образом в караханидский период (XI—XII вв.), мы наблюдаем раздельное существование культуры тюркоязычных народов и развивавшейся под их властью культуры ираноязычных согдийцев.

Характерно для кочевников этого времени разнообразие типа погребений: 1) прямоугольные почти без насыпи погребения, огражденные поставленными на ребро камнями, иногда с каменными бабами (Сарыджас, Центральный Тянь-шань, перевал Турайгыр в долине Чарыма, Заилийский Алатау); вскрытые могилы этого типа дали погребения с конем, железные пряжки с подвижным язычком, железные крупные черенковые стрелы с ребрами, грубую серую керамику; 2) круглые

¹ В э й ш у, гл. 102.

² Там же.

³ А. Бернштам, КСИИМК, V.

⁴ См. нашу статью: Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI; АОСК, стр. 55 и сл. Ввиду того, что мы данного вопроса касались неоднократно, позволим себе здесь только напомнить основные черты культуры этой эпохи.

в плане насыпи из камня и земли, с каменными бабами и рядами камней, идущими от могилы на юг (Чон-кемин), которые мы бы назвали (согласно описаниям китайских источников) центрально-азиатским типом, и, наконец, 3) малые каменные курганы 3—4 м в диаметре, распространенные повсеместно от Джуван-тепе в Илийской долине вплоть до северной Ферганы, сходные с одним из типов курганов Кударгэ на Алтае. Учитывая, что в западнотюркском каганате происходила смена различных тюркских народностей, идущих в основном с востока (местные племена дулу и нушеби были сменены тюркешами Илийского бассейна, а затем карлуками западного Алтая), формы могильных насыпей могут зависеть от этнического состава населения (в пределах тюркского круга).

Как и в эпоху бронзы, в этот период сильно выступают явления культуры южносибирских племен, наряду с которыми стойко держатся и местные, локальные традиции (прежде всего в керамике).

Типичны украшения из бронзы — пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и прямоугольной сплошной рамкой; прямоугольные, овальные, сердцевидные и других форм бронзовые накладки на сбрую, иногда обтянутые тонким листовым золотом. Пряжки и накладки покрыты симметричным орнаментом, в котором преобладает сильно геометризованное изображение зооморфного характера. Наряду с бронзой широко распространена кость (пряжки, сбруя).

Ведущий тип в керамике — конические сосуды, сильно сужающиеся книзу на поддон (как бы подражающие позднекушанским бокалам), слабого обжига, серого цвета и прекрасные тонкостенные сосуды, сделанные из хорошо отмученной глины и покрытые красным лаком, явно кушанского (ферганского) происхождения. Встречаются серого цвета цилиндрические котлы со сплошными горизонтальными ручками. Среди могильного инвентаря часто встречаются танские (китайские) зеркала, стремена с узким подножьем и с петлей для привязывания ремня, сменяемые стременем с широким подножьем и прямоугольной рамкой для ремня (тип, сохранившийся до современности у кочевников Средней Азии).

Важнейшим культурным элементом этой эпохи является тюркский чекан на бронзовых кружках китайского типа, с надписью на тюркском языке «уйгурским» курсивом.¹

Культура согдийских переселенцев, обнаруживаемая в укрепленных домах согдийских колоний (Сарыг, Чуйская долина), или в нижних весьма мощных, но мало насыщенных слоях городищ (Тараз, Таласская долина), или в таких центрах, как Сукулук, типична своей керамикой, прежде всего сосудами и среди них кувшинами с одной ручкой, согдийскими «гидриями». В подавляющем количестве сосуды лепные, с затертой и ангобированной поверхностью (преимущественно красного цвета). Весьма разнообразна орнаментация посуды. Если для глиняной посуды кочевников — саков, усуней, тюрок — характерно отсутствие на ней орнамента, для согдийской керамики весьма характерен крупномасштабный резной, лепной и желобчатый (вдавленный) орнамент различного типа (жгут, треугольник, криволинейный и геометризованный орнамент, «выемчатый», резной зигзагообразный и т. д.). Сосуды плотные, массивные, ручки широкие, иногда с надписями.

Важнейшей особенностью согдийской культуры является ее синкретический характер, что мы неоднократно отмечали в наших работах.

Синкретизм выявляется: в кибиткообразных оссуариях, монументальных статуэтках и светильниках-аташданах, имитирующих сакские жертвенники, в массовом изображении зверей и их схематизациях на ручках

¹ А. Н. Бернштам. Тюркешские монеты. ТОВЭ, II.

и крышках сосудов, в сочетании изображений тау-теке и фазана. Наконец, типичной чертой согдийских слоев этого времени является массовая терракота, изображающая, главным образом, согдийца или персонажей авестийско-зороастрийского (и шаманистского) пантеона. Типичны подражания сасанидской орнаментике (круг из жемчужин; рис. 13—17).¹

Описанная выше культура ограничена, главным образом, долинами Чу и Таласа, ее нет в Центральном Тянь-шане, слабые ее следы отмечены нами во время экспедиции 1945 г. в Северной Фергане. В целом, Восточная Фергана для этого времени самобытна, и те влияния, которые мы отмечаем, очевидно восходят к VIII в., когда тюрко-согдийское Семиречье особенно активно вмешивалось в судьбы Ферганы.²

Согдийские элементы в культуре Семиречья рассматривались нами в ряде работ. Значительно меньше уделялось внимания племенному составу местных, тюркских племен Семиречья, которые, оплодотворенные согдийской культурой, сыграли значительную роль в истории Средней Азии в целом. На описании этого тюркского этнического массива следует поэтому несколько задержаться.

Китайцы сообщают о двух конфедерациях племен, господствовавших в Семиречье до начала VIII в., — конфедерации племен дулу и нушеби; в середине VIII в. господствовали тюркеш и с конца VIII в. — карлуки. Локализация этих племен достаточно ясна из сообщения Таншу. Согласно Таншу, при кагане Ибн-Дулу племена дулу были расселены по северную сторону Чу, нушеби занимали междуречье Чу — Талас. Каждая конфедерация делилась на пять частей. В состав первой входили: чумигунь, хулуву, нешитидунь, тудиши халоши, шуниши чубань; в состав второй: асиге цзюе, гэшунь, байсагань дунь, асиге нишу и гэшунь чубань.³

Среди этих племен могут быть выделены племена чубань и чумугунь, в первой части своего названия имеющие название р. Чу. Из конфедерации дулу могут быть выделены тудиши или тюркеш, о которых речь будет далее.

В этнониме *чубань* нельзя не видеть более ранний этноним *юебань*. Для разбираемого времени это название имеет характерную западнотюркскую форму — жекающую. Из этого факта следует, что если в V в. для Семиречья зарегистрирована йокающая форма *юебань*, а в VII в. имеем форму *чубань*, то, видимо, на время между V и VII вв., т. е. на VI в., падает переход от одной фонетической формы к другой. Для конца VI в. нам известны уже жекающие формы: очевидно, этот

Рис. 13. Чуйская долина. Подражание византийским монетам. Электровые брактеаты VII в.

¹ См. наши этюды: Образ согдийца в коропластике Чуйской долины (КСИИМК, XIX); Образ сасанидского царя в Сукулукской терракоте (КСИИМК, XXIII); Буддийская терракота из Сукулук (КСИИМК, XIV).

² А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДП; ср. КСИИМК, XXI, стр. 86—88.

³ См.: E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux, СПб., 1903.

процесс произошел раньше и может быть увязан с самым началом подъема тюркских племен Алтая, т. е. с серединой VI в.¹

Чубань находились в двух конфедерациях, что говорит о многочисленности племени, а это соответствует историческим сведениям о племени

Рис. 14. Чуйская долина. Терракота тюрко-согдийского периода VI—VIII в.

юебань, которое вошло в состав западных тюрков. Сходство в языке юебань с уйгурами определяет и тюркский характер чубань. В конфеде-

¹ А. Н. Б е р н ш т а м. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», М.—Л., 1939. Ср.: С. Е. М а л о в. К истории Казахского языка. ИАН, ОЛЯ, 3, 1941.

рации нушиби чубань были представлены одной «костью», о чем говорит термин *гэ ш у*, сопоставленный Н. Аристовым с именем «кущук».¹

Весьма любопытно, что среди племен дулу уже находились туциши-тюреша. В VI—VII вв. тюреша были северными соседями семиречен-

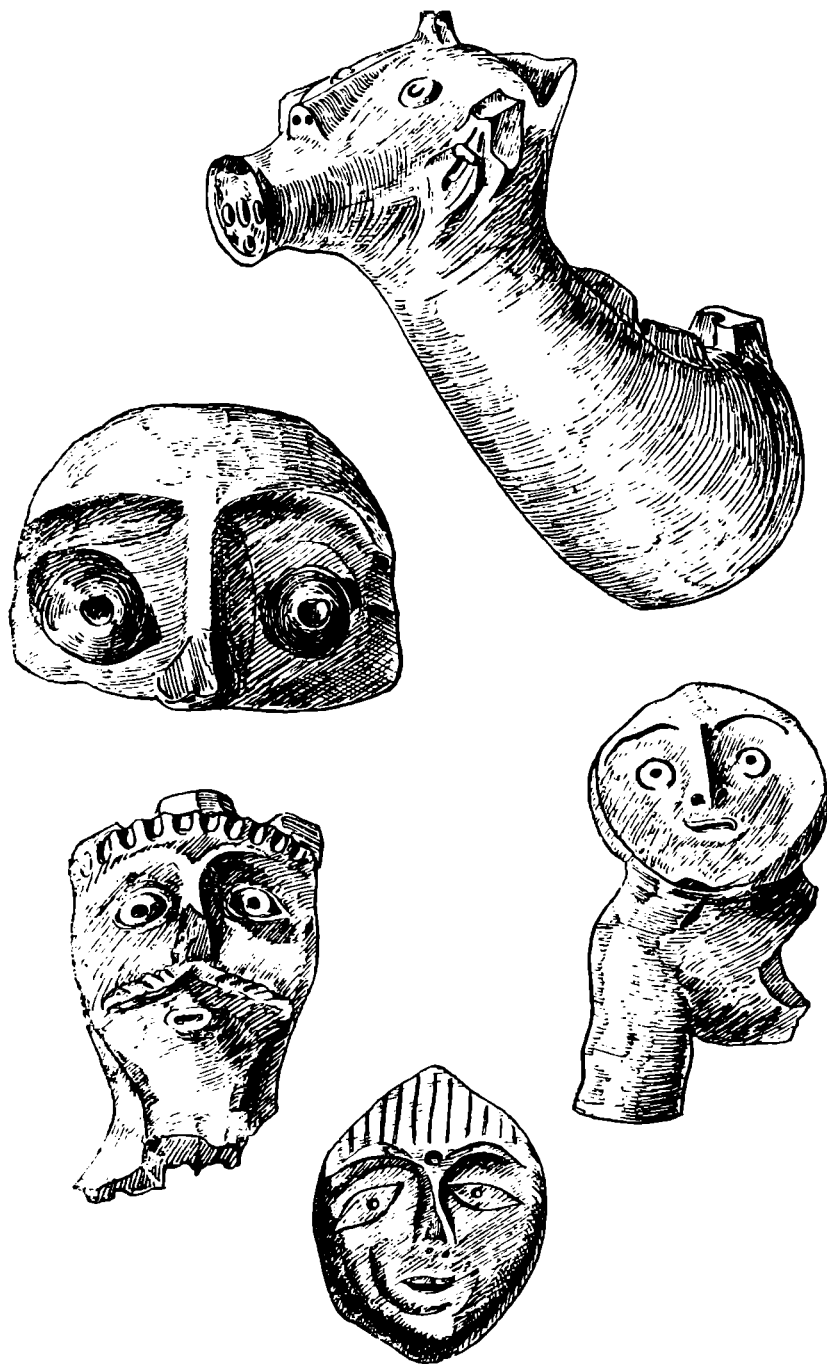

Рис 15. Чуйская долина. Терракота тюрко-согдийского периода VI—VIII в.

ских племен. Видимо, здесь идет речь об одном из племен тюркешей, о роде хэлоши, или, если принять, что иероглиф 邏 — *ло* обычно употреблялся для транскрипции фонемы *р*, — *хэрши*.

¹ Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народов ЖС, 3—4, 1894.

К тюргешским племенам следует отнести и племена асиге, представляющие не что иное, как племена азы рунических текстов, в свою очередь восходящие к античным асиям и поэтому, с нашей точки зрения, являющиеся одной из разновидностей названия «усунь» (кстати к VI в. уже совершенно исчезнувшего).

Выше мы уже отмечали, что племена тюргеши составляли часть племен дулу. Таншу говорит, что тюргеши вначале жили на северо-запад

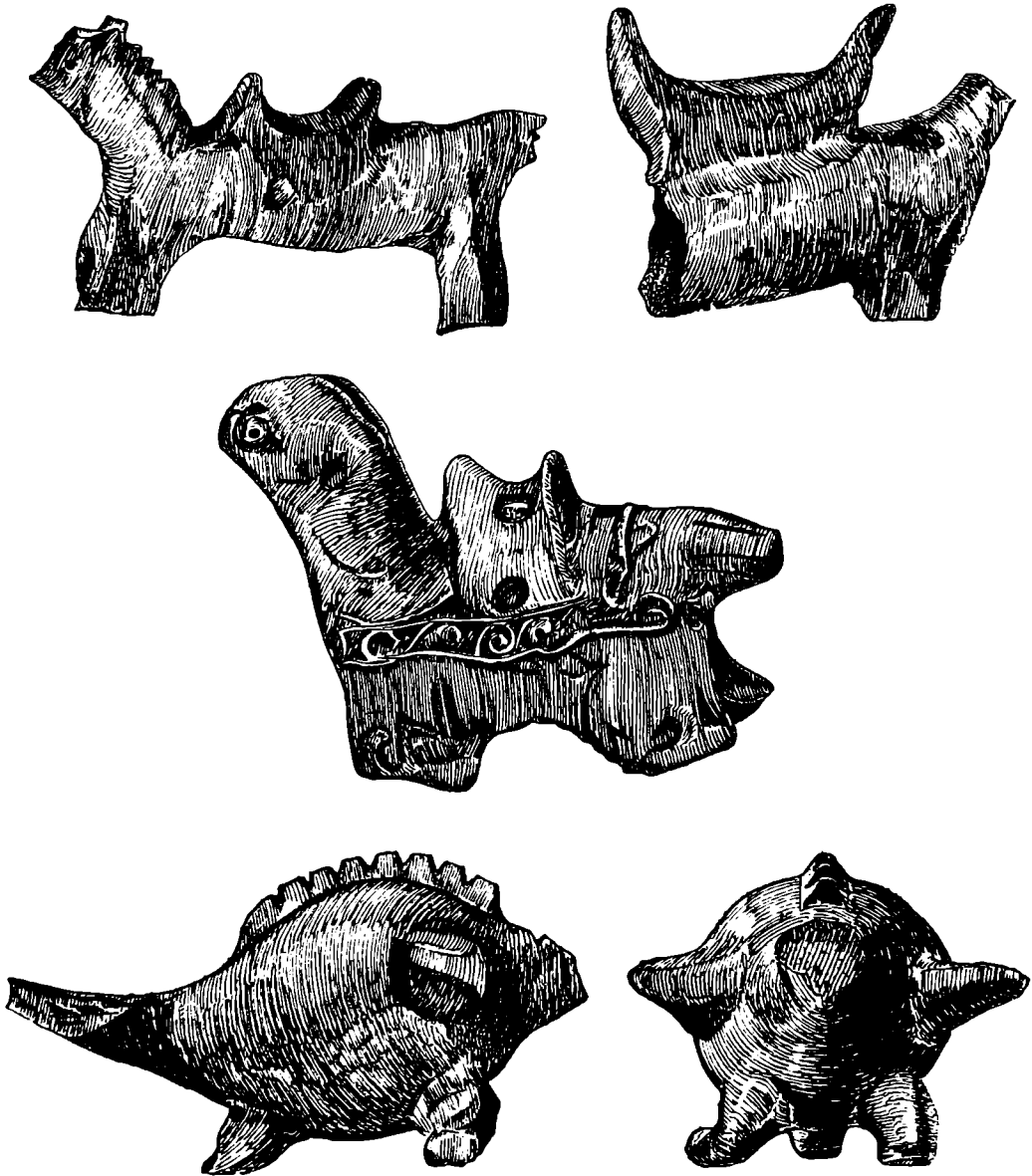

Рис. 16. Чуйская долина. Терракота тюрко-согдийского периода VI—VIII в.

от г. Суяба, т. е., вероятнее всего, в Прибалхашье, в Илийской долине. О принадлежности тюргешей к группе западноалтайских племен говорят этнографические данные, указанные Н. Аристовым. Даже после завоевания тюргешами Суяба малая их орда оставалась на Или. Наличие рода хэрши среди дулу говорит о том, что тюргеши больше, чем, например, карлуки, были связаны с семиреченскими тюрками. Деление тюргешей на две группы, желтых и черных, отмечают и рунические тексты, причем из последних следует, что каратюргеши не были покорены восточными тюрками.

В рунических текстах имеется описание похода тюрков против «десяти-стрельного народа». Термин *on oq budun* соответствует китайским сообщениям о делении западных тюрков на «стрелы». Так, имеется сообщение, что

Рис. 17. Чуйская долина. Керамика карлукского времени IX—X вв.

Шаболо Хилиши каган «разделил свои владения на десять поколений. В каждом поколении поставил по одному начальнику для управления. Каждому начальнику дал по одной стреле, отчего они наименовались

„десять шэ“ и также „десять стрел“.¹ Китайское название «ши-шэ» соответствует тюркскому термину *on oq*. Эти десятистрельные тюрки были врагами восточных тюрков, и Тоньюкук описывает поход против них, относящийся видимо к началу VIII в.

Войско десятистрельных тюрков собиралось в «Ярышской степи». В подлиннике стоит **ND 54D**, причем эта местность, несомненно, была расположена к западу от Иртыша. Войска восточных тюрков проходят Алтай, переходят Иртыш и достигают местности Болчу, после чего вступают в Ярышскую степь, где и входят в соприкосновение с десятистрельными тюрками. Очевидно, что здесь речь идет о северном Семиречье (быть может, о районе Тарбагатай). Топонимическое название «ярыш» соответствует части названия тюргешей «хэрши», запечатленной китайцами в придыхательной форме, и указывает вместе с тем первоначальное местоположение тюргешей в северной части Семиречья.²

Описанный Тоньюкуком разгром десятистрельных тюрков³ освободил тюргешей от связей с конфедерацией дулу, и они захватывают господство в западнотюркском каганате, став с 704 г. полновластными хозяевами Семиречья до разгрома их карлуками в 766 г.

Из анализа племенного состава «десятистрельного» народа явствует, что в нем еще сохранялись этнонимы предшествующих здесь кочевников времени сакско-усуньского союза (племена азы-асиге) и II—V вв. н. э. (племена юебань — чубань). В этом союзе уже занимали значительное место тюргешы, жившие в северной части Семиречья, а затем распространившие свою власть на все Семиречье.

В отличие от племен тюргешей, карлуки не являлись семиреченскими племенами в собственном смысле слова.

Название «гэлолу» есть точная транскрипция имени «карлук», лишь измененная вследствие чтения иероглифов на основе современного произношения.

Иероглиф 歌 звучал, согласно В. Карлгрену, *ká*, 邏, как мы показали выше, звучал *lā* и в то же время *r*, и, наконец, последний 祿 в древности звучал *luk*. Очевидно, что эти три иероглифа звучали *kā-r-luk*, что полностью соответствует имени племени, известному и по мусульманским источникам. Важно заметить, что китайцы абсолютно точно транскрибировали тюркские имена, и лишь неизвестность древнего произношения китайских иероглифов не позволяла правильно прочесть китайские транскрипции.

Карлуки первоначально занимали западный Алтай, составляя буфер между восточными и западными тюрками. Они состояли из трех родов, среди которых третий род — ташили — явно имеет тюркское название «каменные» (тюркск. — *ташлык*). Владелец карлуков имел название «ябгу» трех родов. Ф. Хирт указал, что фигурирующие в рунических текстах племена уч-огуз являются одним из названий карлуков, которые ранее рассматривались как часть огузского союза племен.⁴ Только во второй половине VIII в., когда карлуки завоевывают Семиречье, их имя становится известным, ранее они существовали под другим названием

¹ И. Бичурин, ч. I, стр. 350.

² «Ярыш» значит вообще «пастбище с мягкой травой для жеребят». Совершенно очевидно, что древний город Эрши-Урешт, где разводились знаменитые лошади Давани (об этом см. нашу статью: «Араванские наскальные изображения и древняя столица Ферганы — Эрши», СЭ, 4, 1948), есть тот же тюркский термин, обозначающий определенный вид пастбища.

³ См. текст в издании В. В. Радлова: *Alttürkischen Inschriften der Mongolei* (в дальнейшем: АТИМ), СПб., 2-я сер.

⁴ F. Hirth. *Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq* (АТИМ, 2-я серия).

(уч-огуз), с которым и выступали в союзе с токуз-огузами против уйгур. То, что китайцы еще с середины VII в. употребляют название «карлуки», объясняется поздним составлением Таншу, когда китайский историк перенес в глубь времени известное ему название «карлук», окончательно вытеснившее название «уч-огуз».

В имени «уч-огуз» наличествует указание на связь карлуков с достаточно древними тюркскими образованиями, осуществлявшими непосредственную связь не только западных тюрок с восточными, но также с алтайскими и енисейскими племенами. Речь идет о древних гао-гюй.

В пределах Восточного Туркестана и Джунгарии в IV—V вв. складывается конфедерация тюркских племен под названием «гао-гюй», ведущих свое происхождение от гуннов. Термин *гао-гюй* является не чем иным, как наиболее древней китайской транскрипцией названия «уйгур». В IV—V вв. на территории племен уйгур — гао-гюй образуется Жужанский каганат. В истории последнего борьба против неподчиняющихся гао-гюйских племен занимает главное место в его внешнеполитической и внутренней истории. Термин *уйгур* состоит из двух частей. Первая — *уй* является формой повелительного наклонения глагола 'собираться', 'соединяться', вторая — *гур* (древнетюркская форма — *гуз* || *огуз*) — племенной тотемный термин, восходящий к тотему «бык», изображения которого запечатлены на фаларах из ноин-улинских курганов. Этноним *уйгур* — древнейшая форма собирательного названия объединения огузских племен.

В конце V в. жужанами, ханом Дэулуном и его дядей Нагайем, к западу от Алтая были разбиты племена гао-гюй. Одна часть гао-гюй отброшена к югу, где они оставались и позднее, а другая была отогнана Нагайем в западном направлении. В результате этого события, происшедшего в 492 г., в пределах восточной Европы появляется большое количество разнообразных племен «гуров», с различными атрибутивными префиксами в названиях: *он*, *сары*, *кут*, *ут* и т. д. Все эти префиксы тюркского происхождения: 'десять', 'желтый', 'счастливый', 'трава', 'огонь'.

Появившиеся разновидности «гуров» не что иное, как тюркские племена из конфедерации гао-гюй. Из этих племен значительная часть осела в западных пределах Средней Азии в районах нижнего течения Сыр-дарьи и Хорезма. На базе гурских племен впоследствии создается и аварский каганат (жуаньжуани, разгромленные тюрками в 552 г. и ринувшиеся в Западную Европу). Племена гуров были, таким образом, расколоты на две группы — юго-восточную (Восточный Туркестан и Монголия) и северо-западную — Среднеазиатская и Восточноевропейская.

В связи с общим законом развития тюркской фонетики ротацирующая форма «гур» была заменена новой зекающей формой (ср. чувашск. — *хер* || *кыз*, *тахар* || *токуз*), знаменующей более высокую стадию развития языка. Впоследствии название «гур» стало этнонимом *гуз* || *огуз*. Территории, занятые древними племенами «гурами», стали известны арабским и персидским авторам как территории «гузов».

Юго-восточные гузы делятся на девять частей. Числительные префиксы этнонима *огуз* (*уч*, *токуз*) показывают порядок огузов в политическом объединении. Общее название конфедерации сохраняет древнюю форму и является основой народного названия *уйгур*. Политическая терминология, общая — уйгур или частная — токуз-огузы, уч-огузы и т. д., не исключала и частной этнической терминологии, засвидетельствованной китайскими источниками (см. текст Суйшу о конфедерации теле).

Северо-западная группа усвоила и сохранила название «огуз» и потому, что, попав в VI—VIII вв. во владения тюркского каганата, огузы были

подчинены ханскому роду, который происходил от одного из делений юго-восточных огузов.

Разбросанность огузов, обусловленная еще событиями V в., сложное наименование отдельных частей (частный этноним, частно-политический и обще-конфедерационный) послужили основой для всевозможных путаниц в нарративной и географической литературе арабов и персов.

Все формы — токуз-уйгуры, токуз-гуры, токуз-огузы и т. д. — не что иное, как по-разному воспринятые названия юго-восточной группы огузов. Наличие части огузов на крайнем востоке (восточный берег Байкала) — результат раскола конфедерации уйгур тюркским каганатом.

Северо-западная группа огузов, которая до X в. не составляла единого политического целого, утратила окончательно древнее собирательное название «уйгур» и в силу своего пребывания в Тюркском каганате огузского происхождения превратила частный термин *огуз* в собирательное название различных племен тюркского происхождения. О наличии связей Семиречья с Алтаем и даже Енисеем говорит целый ряд археологических фактов и письменных известий, частично нами уже разобранных в другой работе.¹ Здесь мы напомним некоторые из них.

Енисейские кыргызы VIII в. были связаны с карлуками торговыми отношениями. Вследствие этих связей появились смешанные браки, и один из кыргызских каганов, а именно Пицсе Тунге Гинь, был сыном тюрешки, а его жена была дочерью карлукского ябгу. Так как известия об этом кагане относятся к 800—820 гг., то становится ясным, что кыргызы были связаны с Семиречьем не только в конце VIII в., но и в начале IX в., когда и тюрешки и карлуки были насельниками Семиречья. Эти этнические связи семиреченских племен с Енисеем и объясняют некоторые археологические памятники, обнаруженные в Семиречье, в частности кыргызскую эпиграфику надгробий Таласа.

Алтайские элементы в культуре Семиречья этого периода объясняются древнеуйгурскими связями, среди них движениями племен гао-гюй.²

Приведенные замечания о племенах гао-гюй показывают и один из путей алтайско-семиреченских и семиреченско-синьцзянских связей. В свою очередь они определили и появление в Приаралье семиреченских элементов культуры, отмеченных исследованиями С. П. Толстова.³

Приведенный анализ этнического состава племен Семиречья показывает также глубокую историческую связь тюркских племен Семиречья с племенами сакской среды и широкие территориальные связи их с тюркоязычным миром, расположенным как к востоку, так и к западу от Семиречья.

Таким образом, если культура Семиречья тюрко-согдийского периода была синкретической, если само Семиречье было в ту пору «Византией Востока», то движения тюркских племен обуславливали и то, что эти явления не оставались локальными, а находили себе широкую почву для распространения. Сейчас нам это ясно в отношении Ферганы и Северного Синьцзяна; начинают выступать эти явления и в Хорезме и в Тохаристане.

VI. КУЛЬТУРА СЕМИРЕЧЬЯ В IX—XII ВВ. (КАРЛУКИ И КАРАХАНИДЫ)

Основным центром культурной жизни Семиречья в эпоху IX—XII вв. становится город. Города Семиречья протянулись от Испиджаба до

¹ АОСК, стр. 60; Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв., стр. 165 и сл.

² Частично мы это отмечаем в статье: Уйгуры в Семиречье. Сб. «Белек», Фрунзе, 1947; ср.: СЭ, VI—VII, 1947.

³ См. его: Города гузов, СЭ, 3, 1947; его же: Древний Хорезм, М., 1948.

Иссык-куля, особенно развиваясь там, где прошла караванная дорога. Городскими поселениями оказались охвачены полностью долины рек Таласа и Чу и берега оз. Иссык-куля. Возникнув на рубеже VIII—IX вв., эти поселения развиваются в IX—X вв., причем наибольшее развитие отдельных центров (типа Талас, Сарыг, Баласагун) падает на XI—XII вв. В это же время возникает и ряд городов по Или, характерных подобно тяньшанским городищам отсутствием цитаделей. Собственно Семиречье в культурном отношении распадается в это время на три крупных района — Талас, Чу и Или. Горный Тянь-шань по своим характерным особенностям приближается к культуре Или. В то же время в западной части Центрального Тянь-шаня мы наблюдаем воздействие Ферганы.¹ Все эти районы в культурном отношении имеют максимум сходства в караханидскую эпоху.

В XI—XII вв., как мы уже отмечали,² количество городов в таких оазисах, как Таласская долина, сокращается за счет расширения крупных центров типа Тараз. С другой стороны, увеличивается количество оседлых укрепленных поселений в районах, примыкающих к Или.

В Таласе и Чу города возникли на основе старых согдийских поселений. В план шахристана включается цитадель, расположение которой весьма разнообразно (в углу, в центре, у одной из стен шахристана). Стены города, ориентированные по странам света, складывались из сырцового кирпича и имели мощное основание до 10 м в сечении. Высота их полностью не сохранилась, но, очевидно, иногда достигала 8 м. Стены окружались рвом, образующимся из карьеров, откуда брали глину для изготовления кирпича. Любопытно строение ворот таких городов. Они представляли собой вал такой же высоты, как и стены города, образующий перед входом в город излом в виде буквы Г. Углы такого «замка» укреплялись башнями (Тараз, Туюмакент, Атбаш и другие). Таким образом, если враг хотел ворваться в город, он вынужден был подходить к воротам небольшими группами, при этом преодолеть ломаную кривую вала, где его легче всего было поразить, притом с трех сторон. Башни чаще располагались по стенам рибатов, которые окружали большие города типа Тараза (Туюмакент, Оххум), чем на стенах самих городов. В некоторых городах на валах все же имеются башни (таковы Баласагун, Сарыг и мн. др.). Иногда ворота имели несколько иную конструкцию, вдоль ворот воздвигалась стена, иногда укрепленная башнями. Таким образом неприятель для того, чтобы войти в город, попадал сначала как бы в узкий коридор, где с ним легче было расправляться осажденным (Баласагун, Талгарское городище).

Мощные укрепления поселений городского типа достаточно наглядно характеризуют время своего возникновения. Многочисленные феодальные распри и угроза нападения кочевников на жителей города диктовали необходимость этих оборонительных сооружений.

В непосредственной связи с укреплением города стояло и укрепление оазисов: возводились длинные стены, отграничивающие участки земли, обычно имеющие с других сторон естественную преграду. Так, например, город Текабкет (г. Ак-тюбе) имел к востоку длинную стену, один конец которой упирался в южные склоны Киргизского Ала-тоо, другой подходил к р. Талас.

Мощной стеной, сложенной из сырцового кирпича, была ограждена область Верхний Барсхан на Иссык-куле.

¹ Наблюдения наших экспедиций 1944—1946 гг. См.: Известия Киргизского ФАН, II—III, Сб. «Акад. К. И. Скрябину», Фрунзе, 1945; «Советская Киргизия», 29 XII 1945.

² ПСТД, стр. 50 и сл.

Около таких стен обычны поселения, где, видимо, жил военный гарнизон; в самих стенах имеются укрепления-башни (Таласская стена).

Существенной стороной укрепления поселений являются крепости, также четырехугольные в плане. Наиболее выразительны такие крепости-рибаты в Таласском оазисе, где их удалось проследить в северо-восточном углу оазиса (Тюймакент, Оххум и др.). Они охватывали оазис кольцом, защищая его от нападений неприятеля. Такие рибаты имеют мощные стены, укрепленные угловыми башнями и башнями в центре стен, расставленными на таком расстоянии друг от друга, чтобы было обеспечено поражение врага, подошедшего к стенам, с двух сторон. Расположение башен исключает какие бы то ни было «мертвые пространства». Аналогично укреплен был Харран-джуван, о котором Макдиси сообщал, что он был окружен неверными, город Баласагун и др.

Культурные слои в таких рибатах весьма незначительны, хотя и имеют значительное протяжение. Внутри рибатов находились большие сооружения (Буранинское городище).

К рибатам примыкают и хисны — собственно крепости, со сравнительно небольшим гарнизоном, предназначенным для непосредственной обороны города (Беловодская крепость).

Укрепленными были, хотя и менее значительно, караван-сарай, расположенные между городами и указывающие обычно направление караванной дороги. На наиболее оживленных участках дороги такие караван-сарай отстояли друг от друга на расстоянии не более 2 фарсахов, в более пустынных районах (Илийская долина) они отстояли друг от друга значительно дальше.

Чтобы закончить наш краткий обзор типов поселений, заметим, что для карлукской поры удалось выявить поселения полугородского, полусельского типа (Дохнуджикес и Адахкес), укрепленные стенами, а в каракханидскую эпоху появляются неукрепленные сельские поселения (Петропавловское селище, Марждан Тюбе и др.) и укрепленные замки типа Чуль-тепе (Талас).

Если города, которые связаны своим происхождением со старыми согдийскими колониями, имеют цитадель — место собственно государственной власти — и связанные с ней сооружения, то города, возникшие позднее, главным образом в XI—XII вв., цитаделей не имеют (тяньшанские и илийские городища) и ориентированы обычно углами, а не сторонами по странам света.

Если в ранних городах IX—X вв. жизнь в основном сосредоточивалась в шахристанах, то с XI в. в Семиречье можно отметить широкое развитие торгово-промышленных предместий — рабадов, появившихся, главным образом, в таласских и чуйских городищах. Появление рабадов вызывало необходимость постройки дополнительных укреплений. Однако стены шахристана сохраняют свое боевое значение, так, например, рабад всегда отстоит от стен шахристана, т. е. строительство рабада шло с таким расчетом, чтобы не ослаблять военной мощи стен шахристана.

Нам удалось отождествить большую часть развалин в Семиречье с упоминающимися в источниках названиями, но заключения по этому вопросу нашли свое отражение лишь в отчетах, указанных в первом разделе статьи, а сводка всех этих наблюдений специально подготавливается к печати.

В городе воздвигались здания из сырцового формованного кирпича разных размеров; для карлукской поры характерны более крупные «согдийские» кирпичи. До IX—X вв. дома строились исключительно из сырца, иногда употребляли катки-гуваляк и набивной дувал. Гувальяк клался поперечно стене, как кирпич в современном строительстве, самой

Рис. 18 Древний город Сарыг. Роспись ал сессо VIII в. Бодисатва.

Рис. 19. Древний город Сарыг. Роспись ал сессо VIII в. Маньчжурские астры. (Акварель М. В. Лупшин).

ис. 20. Древний город Джуль. Фрагмент Ваджрапани IX—X вв.
(Акварель С. С. Сорокина).

Рис. 21. Древний город Джуль. Фрагмент Ваджрапани IX—X вв.
(Акварель С. С. Сорокина).

простой кладкой — «торчком» и «ложком». Ширина стен колебалась от 0.5 кирпича до 2.5. На площадке, где возводилась постройка, делался фундамент из булыжника (Тараз), а затем уже воздвигались стены из упомянутого выше строительного материала. К концу карлукской эпохи начали употреблять для застилки полов жженный кирпич (Сарыг). Наряду с ним применялась обмазка пола по камышевой плетенке — буйра (Тараз). На буйре делались и глинобитные крыши. С киданями (народ тунгусо-маньчжурского или монгольского происхождения) появилась черепица. Стены жилища обмазывались плотно отмученной глиной без всякой примеси или подложки.

В богатых домах стены расписывались *al sesso* (Сарыг) по такой штукатуренной стене черной, синей, желтой красками и дополнительно прорезались плавными линиями орнамента, кругами и восьмилепестковыми розетками. Этот тип разделки стен имеет среднеазиатские корни. В других зданиях были обнаружены китайского типа росписи: цветы астр и буддийские изображения (Сарыг). В этих росписях, также техникой темпера, подложка делалась особенно тщательно путем трехкратной обмазки стен в разных направлениях, что придавало подложке росписи (в сечении) вид среза фанеры (рис. 18 и 19).

Оба упомянутых типа росписи характерны для зданий не позже X в. С XI в. в частных и общественных зданиях появляется алебастровая штукатурка, украшенная резьбой и иногда окрашенная. В росписи стен появляется фреска. Делается более тщательная грунтовка, плотная, до 3 см толщиной. Гамма красок сравнительно бедная — черная, красная, желтая, рисунок геометрический. Если *al sesso* размещалось на фризях внутренних помещений, то фреска уже доходит до пола, так как она не боится не только прикосновения людей, но и влаги. В резьбе по стуку преобладают растительные мотивы.

Неизменными спутниками жилищ являлись выгребные ямы (бадрал-хана), достигающие иногда большой глубины (до 3—4 м), и колодцы. Близость их влияла, видимо, на качество воды, сильно ухудшая ее. Большое количество в городищах колодцев, равно как и фекальных ям, говорит о большой скученности жилья, что подтверждают и остатки самых построек.

В жилищах, естественно, были и очаги для варки пищи, обычно открытые, а также закрытые печи для изготовления лепешек — тонуры. Последние обычно имели перекаленную обмазку внутри, исчерченную глубокими бороздами, чтобы испеченную и прилипшую к стенкам тонура лепешку было легче оторвать от стенки.

При раскопках одного жилого дома в Сарыге в одной комнате явно преобладал женский инвентарь — украшения (бусы и т. д.) и домашняя женская утварь. Очевидно, соблюдалось деление помещения на мужскую и женскую часть; во всяком случае это имело место в богатых домах.

Нельзя то же сказать про жилой дом ремесленника-винодела из рабада, в Сарыге. Здесь центральную часть жилья занимали приспособления для виноделия, а бедный, вернее рядовой, инвентарь не был сколько-нибудь строго локализован в помещении, хотя располагался ближе к очагу.

Ранние дома IX—X вв. отапливались мало экономным открытым очагом, находящимся в комнате. В постройках XII в. существует уже прекрасно разработанная система отопления в виде полых стен помещения, которые обтекал согретый воздух из центрального отопительного сооружения (каны).

Общественные здания городов, особенно культовые сооружения, часто делались из обожженного кирпича. Так, целиком из обожженного

кирпича была построена баня Тараза.¹ Из обожженного кирпича делались минареты мечетей и сами мечети (Бурана), мавзолей (Бабаджи-Хатун и Айша-Биби). Фасады зданий для этой поры были в основном гладкие, и лишь в более старых культовых сооружениях была фигурная кладка кирпича и ложные выкладки ниш, а в поздних (XI—XII вв.) широко применялся неполивной изразец. Находки неполивных изразцов в комплексах жилых зданий Тараза говорят о том, что, вероятно, и жилые гражданские сооружения имели хотя бы частичную декорровку фасада (наличники окон и дверей, фронтоны).

Города имели иногда одну прямую улицу, обычно идущую от ворот и перерезающую весь шахристан. Прямые улицы, ведущие к воротам города, были и в рабадах (Сарыг). Все остальные кварталы не имели строгого плана. Гражданские сооружения общественного назначения располагались близ цитадели, но не исключалась возможность возведения рядовой жилой постройки поблизости к такому крупному сооружению.

Часть культовых зданий делалась из сырцового кирпича (буддийский храм Баласагуна, Джуль) и отделывалась фресковой росписью, каменными и глиняными изваяниями (рис. 20—21).

Большие города, как, например, Тараз, были сравнительно благоустроены. Они имели (в XI—XII вв.) мощенные булыжником улицы и тротуары из плоских плит. Вдоль тротуаров шли выложенные из крупных камней подквадратной в сечении формы арыки и устроенные на улицах колодцы, бордюр которых выкладывался также крупным, плохо обработанным камнем. Наряду с колодцами вода сохранялась в ряде городов в хаузах (Харран-джуван, Сусы). В некоторых городах были водопроводы, сделанные с помощью гончарных труб, вода в которые подавалась или по естественному наклону (Текабкет), или, быть может, чигирями (Тараз). В первом случае, для того чтобы выдержать определенный уровень, водопровод делал замысловатые петли, прежде чем подвести воду в цитадель города (Текабкет). Когда нельзя было избежать сильного уклона, употреблялись конические, специально утолщенные в муфте трубы. Водопроводы связаны обычно не с питанием водой шахристанов, где были колодцы, а с цитаделью.

Города жили ремеслом и торговлей. Здесь же пребывала политическая власть над государством в целом (Баласагун, Тараз) или над ближайшей местностью, политически или экономически тяготеющей к городу.

Дошедшими до нас археологическими материалами наиболее полно документировано керамическое производство. Поливная посуда в Семиречье не старше IX в. (для Таласа, на р. Чу она появляется позднее). Ранние образцы поливной посуды имеют медную глазурь зеленого или голубого цвета на светлорозовом плотном черепке. Роспись подглазурная тусклая, сочетается с резным орнаментом. Поливная посуда на гончарном кругу — пиалы, кесы, блюда (рис. 22—23). Последние не совершенны по выделке. Большой диаметр блюда вызывал искривление профиля. В IX—X вв. поливная посуда — самаркандская полива саманидского времени. Она имеется в Таразе и совершенно отсутствует даже в Чуйской долине, не говоря об Или и Тянь-шане. Характерной чертой местной поливной посуды XI—XII вв. является известная ажурность орнамента, распадающегося на ряд деталей, вихревая розетка донышка, бордюр с надписью сильно стилизованным куфи или растительный орнамент. Поливная посуда XI—XII вв. вся местного изготовления, но ухуд-

¹ А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, II.

шается качество поливы.¹ В заполнении украшаемой плоскости две разновидности — вихревая розетка коричневой краской в центре и бордюр точками при белом фоне сосуда или сплошное покрытие сосуда медальонами с росписью. Учащается симметричность рисунка, красные фоны, стилизованные надписи (исключительно куфи) с кораническими благо-

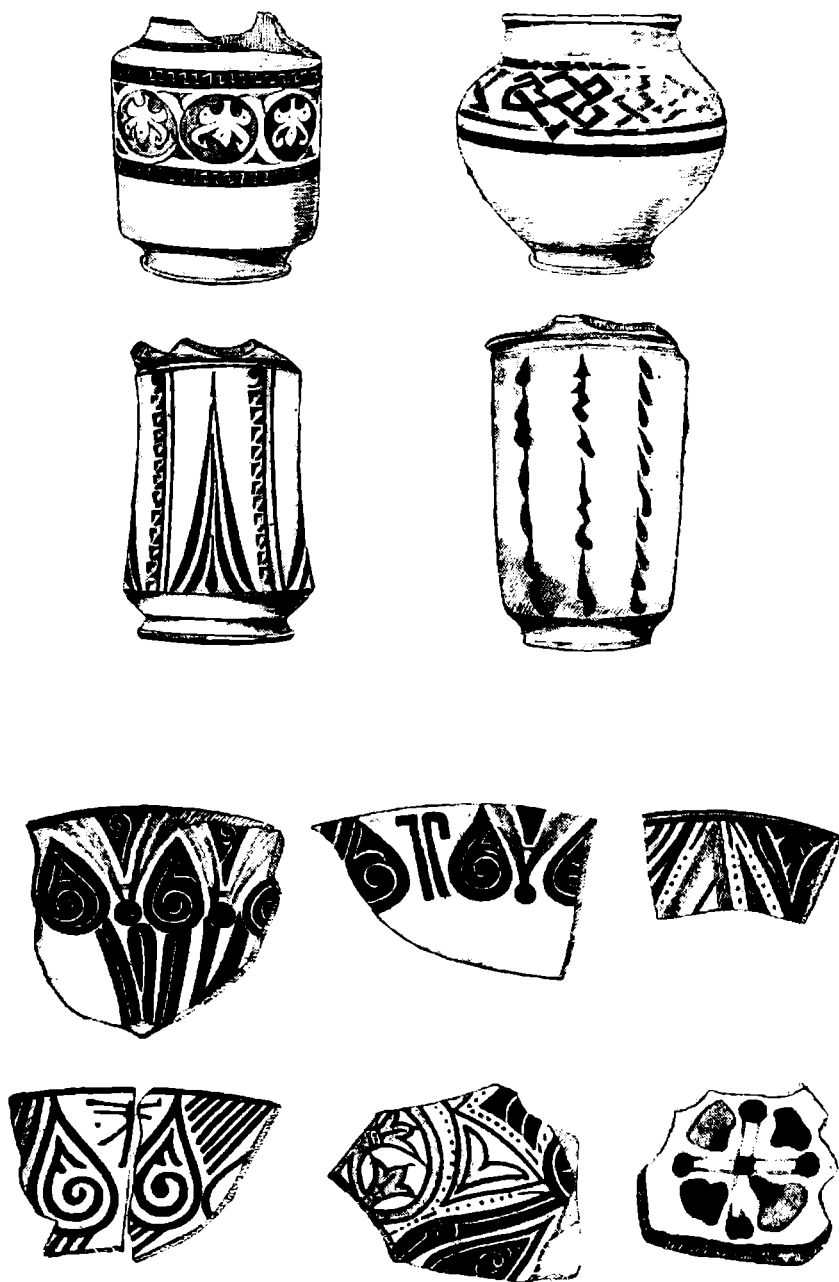

Рис. 22. Чуйская долина. Керамика караханидского времени XI—XII вв.

пожеланиями. К концу XII в. на окаймляющем бордюре появляется резьба под зеленой или белой глазурью. Темы резьбы — бегущая лоза. Появляются подглазурный штамп и красочные росписи без рисунка всей внутренней плоскости блюд (китайское влияние). Наряду с местной — привозная, иранская, синяя посуда. Материал — глина; в XII—XIII вв.

¹ Начинает появляться селадон. См. нашу заметку: Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью. КСИИМК, XVII.

появляется кашин. Обжиг средний и высокий, а при изготовлении сфероконусов почти достигается плавка глины.

Печь для изготовления керамики имела сферическую форму. В ее стенки вставлялись керамические штыри, на которых вешалась посуда для обжига. Для укладки же поливных блюд и пиал употреблялись треножки также из глины. Отпечатки этих подножек наблюдались на готовых изделиях, и подножки были найдены в большом количестве.

Богатство и разнообразие керамики Тараза исчезает к востоку от него. Прежде всего следует отметить резкое падение количества поливной посуды в чуйских городищах и почти полное исчезновение в илийских. Если на 100 кв. м раскопа на месте жилых зданий в Таразе было около 1000 фрагментов поливы, то при тех же условиях стратиграфического раскопа на Сарыге их оказалось всего около двух десятков.¹ В чуйских городах, а тем более илийских и тяньшанских, преобладает неполивная керамика, а поливная найдена только в слоях XI—XII вв.² Очевидно, что возникшее производство местной поливной керамики распространяется дальше на Восток, а до этого господствует, главным образом, неполивная посуда; в Таразе же широко используется в обиходе импорт из Самарканда. В неполивной посуде IX—X вв. преобладает резьба и штамп (Верхний Талас, Чуйская долина).

Типической чертой керамики карлукского периода является продолжение традиций предшествующей эпохи. Целый ряд предметов столь сходен стилистически и технически с тюрко-согдийскими комплексами, что только стратиграфия способна дать хронологию находкам. Однако характерен и для карлукского периода ряд отдельных комплексов, обнаруживаемых в поселениях городского типа. Укажем главное.

Весьма типичны для этого времени достарханы с крупномасштабным криволинейным орнаментом, выполненным желобчатой техникой. Сосуды лепные, гончарный круг еще весьма редко фигурирует в производстве керамики. В орнаментации сосудов часто можно встретить орнамент в виде ожерелья. Широко распространена малообъемная (детская? — культовая?) посуда, грубой работы. Появляется хум с сильно отогнутым венчиком, украшенный по краю жгутом. Вместо оссуариев, зороастрийские погребения встречаются также в хумах. Наряду с мусульманскими городищами, встречаются буддийские храмы с преобладанием уйгурской школы в живописи и в раскраске статуй. Широко распространено уйгурское письмо,³ продолжает бытовать бронзовая тюркешская монета. В сосудах (керамике и бронзе) появляется пята на ручке. Поливы почти нет, белая полива с подглазурной коричневой росписью представлена, главным образом, в чираках с петлеобразной ручкой. Эти явления типичны для Чуйской долины, в Таразе поливу можно встретить чаще; это, как уже отмечали, в основном саманидская полива Афрасиабского типа, с преобладанием светлой глазури с разреженной, чаще буквенной, подглазурной орнаментацией. Если в карлукской неполивной керамике наблюдается ручная лепка и орнаментальная насыщенность поверхности сосуда, то в караханидскую эпоху уже явно преобладает станковая посуда (с гончарного круга) с жесткими «металлическими» формами, а орнамент изготавливается штампом. Даже в кухонной посуде преобладает

¹ АОСК, стр. 91.

² См. у нас в статье «Памятники старины Илийской долины» (Известия АН Каз. ССР, сер. археологическая, вып. I.).

³ А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, 1946, ср. там же, вып. II.

этот тип, хотя отмечается и существование некоторых видов сосудов ручной лепки (большие котлы). Меньше разнообразия в формах и орнаментации керамики на городищах Или, еще меньше — на Тянь-шане.

Рис. 23. Чуйская долина. Керамика караханидского времени XI—XII вв.

Для караханидского времени характерны изделия из бронзы (подсвечники, формы которых в виде цилиндра или призматического ствола сохраняются и позднее при монголах).

Стандартизация форм, господство штампа свидетельствуют о победе городского ремесла над домашним трудом. Особенность караханидской поливы и ее росписи в Чуйской долине — реализм в изображении животных, известных в более геральдической трактовке на Западе (Мавераннахр, Фостат, Рей и т. д.).

Материал, помещенный в классификационной таблице, показывает различия в формах карлукских и караханидских типов и для караханидских изделий выявляет максимум черт среднеазиатского масштаба. Это вполне понятно, учитывая политическую роль и территориальную экспансию караханидов.

VII. КАРАКИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА, МОНГОЛЫ И ТИМУРИДЫ

В дополнение к ранее изданным описаниям, мы остановимся в двух словах на типичных чертах культурных остатков XII—XVI вв.

Своеобразие каракитайской культуры в Семиречье столь велико, что ее комплексы с явно выраженным буддийским характером ясно выделяются на общем фоне культурных остатков городищ (рис. 24). К типическим и массовым ее проявлениям относится кровельная черепица с матерчатым отпечатком на тыльной стороне (Баласагун, с. Ворошиловское, с. Александровское), круглые налеты с синкретическими сюжетами, сасанидский круг из жемчужин с лотосом посередине (Баласагун), «коньки» (с. Александровское). Типические черты каракитайской культуры ясно прослеживаются в культовых и архитектурных памятниках.

Рис. 24. Чуйская долина. Статуэтка будды каракитайского времени.

В изделиях бытового назначения наиболее четко выступают особенности каракитайской культуры в предметах из нефрита (Баласагун, Кысмычи), в керамике сунского облика (белая и голубая, иногда с кракля) и в селадоне. Высокогорлые кувшины из неполивной керамики в основном повторяют развитую керамику караханидского времени; судя по раскопкам в Баласагуне, была широко распространена и обычная поливная керамика караханидов (пиала, кеса и т. д.). Учитывая, что до своего политического могущества каракитаи сосуществовали с местным населением караханидского времени, можно предположить, что в «обмен» на местные «дары» (керамику) каракитаи принесли в Семиречье каны, тип которых восходит к маньчжурской разновидности.

Каракитайские центры, отмеченные в трех пунктах в Чуйской долине, всегда стоят более или менее отдельно от мусульманских городищ. Они однослойны и не нуждаются поэтому в особой стратиграфической характеристике. Известные нам некрополи (Кысмычи и район с. Александровского) дают шатровое перекрытие над могилой из сырцового кирпича с костяком, ориентированным по линии С—Ю, с бедным инвентарем (нефрит). Тип этих могил известен под курганными насыпями в Таласе и в караханидских некрополях. Характерен чрезвычайно разнообразный расовый состав погребенных.

Каракитайские центры, отмеченные в трех пунктах в Чуйской долине, всегда стоят более или менее отдельно от мусульманских городищ. Они однослойны и

Тонкие слои монгольского времени отмечены нами в Таразе (Талас) и Койлыке (р. Или). Они с трудом отделяются от более поздних тимуридских. В обоих пунктах они документированы обилием костей домашних животных в культурных слоях, голубой керамикой (привозной или местной), схожей с караханидской, и с обильной графической резьбой растительного характера под белой или зеленоватой глазурью.

Наряду с кесой и другими «мусульманскими» формами, достигшими своего совершенства при караханидах, может быть отмечено преобладание блюд с вертикальным бортом. Хорошо датируют слои находки голубой с рельефным орнаментом (на кашине) керамики и рейская росписная керамика. В отличие от времени караханидов, можно отметить усиление импорта в результате разгрома местных ремесленных центров.

Тимуридские слои городищ Шельджи (Талас), Ашлара (Чуйская долина), Атбаш (Тянь-шань), специально почти совершенно не изученные, насыщены монетами. Местами слои сохранились неплохо (Шельджи). В них преобладает неполированная керамика, особенно приземистые кувшины с широким цилиндрическим горлышком, покрытые светлым (белым или желтоватым) ангобом. Такого типа кувшины встречены и на кладбище в Кенбулуни (Кызылсу — Чуйская долина). На хумах и на крупных сосудах встречается орнамент в виде волнистой линии, заключенной между двумя параллельными линиями, прорезанный на вышеуказанной фактуре сосуда (Шельджи, Атбаш). Характерны массивные крупные сфероконусы желтоватого цвета, в отличие от более старых сфероконусов серо-синего цвета. Встречаются экземпляры сфероконусов без орнамента. Вообще этот тип сфероконусов орнаментирован бедно.

В тимуридских слоях встречается также китайская керамика минского времени, обнаруженная нами в виде целых сосудов в городище Шельджи на Таласе. В указанном городище встречена также и местная полированная керамика (светлая глазурь с редкими коричневыми и голубоватыми росписями то в виде бордюра с бегущей лозой, то в виде строенных косых штрихов). Следует учесть, что керамика тимуридского времени в Семиречье особого типа — это бытовой инвентарь военных гарнизонов и поэтому богатство тимуридской эпохи в ней не представлено.

К монголо-тимуридскому времени мы относим и случайные находки стволов подсвечников и бронзовые блюда с богатым геометризированным и растительным орнаментом, среди которого встречаются стилизованные изображения животных (птиц).

Таковы типические черты в археологических комплексах, которые мы охарактеризовали более подробно для ранних (дофеодалных) эпох и кратко для средневековья.

Какие бы ни были внесены уточнения и дополнения к классификации, ставшей возможной только после наших экспедиций в Семиречье, все же, надеюсь, она и в предлагаемом нами виде может послужить отправной точкой для создания археологии Средней Азии, поныне еще не существующей. Подобная же археологическая схема создана для Хорезма С. П. Толстовым. Однако богатый материал Согда — Мавераннахра и областей Средней Азии еще не обработан и не сведен, что, естественно, не может не тормозить темпов создания археологии Средней Азии. Этим мы определяли и характер настоящей статьи, взяв за основу типическое и важнейшее для каждого культурно-исторического этапа Семиречья.

В чисто историческом плане эти комплексы принадлежат трем этапам развития человеческого общества. Бронза — эпоха первобытно-

общинного строя. Начиная с сакской культуры (поскольку она тесно связана с ведущими центрами Средней Азии) — переход к античному, с сохранением до поздних усуней включительно военно-демократического облика. Переломным этапом является гуннское завоевание I в. до н. э., когда и на территорию Семиречья распространяется среднеазиатская античность. Наивысший расцвет ее для Семиречья — VI—VIII вв., после чего начинается формирование феодальных отношений, лишь к XI—XII вв. получающих свое классическое выражение.¹

¹ Ср.: А. Н. Б е р н ш т а м. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. ВДИ, 3, 1947.

А. Н. БЕРНШТАМ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

I. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Археологическое исследование Семиречья, начатое нами в 1933 г., продолжалось (с перерывами) до 1945 г. За этот период были проведены экспедиции, охватившие Алмаатинскую и Джамбуловскую области

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В статье А. Н. Бернштама „Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня“ должны быть взаимно переставлены подписи: а) рисунков 18 и 21 и б) рисунков 19 и 20. Кроме того, рисунок 21 (по неисправленной нумерации) должен быть повернут на 180°.

Советская археология, XI.

